

A classical painting depicting a bearded man, likely a deity or philosopher, seated on a throne. He is shirtless, with a long beard and curly hair, holding a golden staff in his right hand. A woman, also shirtless and wearing a green and white robe, is seated in front of him, looking up at him with her hand near his chest. The background is a dramatic sky with clouds. To the right, an eagle is perched on a pedestal. The foreground is filled with a dense field of human skulls.

*Кирилл
Берендеев*

**НЕТ ИМЕНИ
СТРАШНЕЕ МОЕГО**

Кирилл Берендеев

Нет имени страшнее моего

«Издательские решения»

Берендеев К.

Нет имени страшнее моего / К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930297-7

Начальник охраны императора Абаим оказывается вовлеченным в заговор с целью свержения монарха. Мятежники оказываются столь хитры, что ничего не подозревающий страж охотно выполняет их поручения. Еще бы, ведь теперь именно он занял опустевший трон. Но только вряд ли долго с ним будут играть заговорщики, плетущие свои интриги. А значит, единственное, на что может рассчитывать новоиспеченный государь — свою сметку и желание выжить любой ценой.

ISBN 978-5-44-930297-7

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов о фэнтези (Предисловие)	6
Нет имени страшнее моего	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нет имени страшнее моего

Кирилл Берендеев

Редактор-корректор Ирина Грановская

© Кирилл Берендеев, 2018

ISBN 978-5-4493-0297-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов о фэнтези (Предисловие)

Жак Луи Давид «Клятва Горациев»

Фэнтези это, наверное, самый молодой и, в то же время, самый древний жанр не только и не столько фантастики, но и мировой литературы вообще. Его можно связать с древними преданиями давно ушедших народов – о царе Гильгамеше, правителе Урука, о возвращении на родину хитроумного Одиссея со товарищи, о деяниях Зигфрида или Тристана, о славных подвигах Святогора или Микулы Селяниновича. Именно с народных сказаний, старин, как их еще называли на Руси, и появился на свет сперва изустный, а затем уже и записанный собирателями эпос. У каждого народа свой, но так отчетливо перекликающийся со сказаниями других стран, других времен.

Постепенно эпическая литература ушла, уступила свое место профессиональным сказителям, сперва подражавшим старине, а затем переосмыслившим ее на свой лад – в виде комедий, драм, трагедий и иных форм театрального искусства, в виде убогих текстов о похождениях плутов и героев, богов и простолюдинов. Которые постепенно, пласт за пластом, образовывали то, что мы знаем под понятием «мировое наследие» и чем пользуемся, даже бессознательно, когда вспоминаем поговорку, устойчивое выражение, шутку или еще что-то подобное, чему, быть может, уже не одна тысяча лет. Как истории Ромео и Джульетты, имеющей бесчисленное множество современных интерпретаций, но берущей свое начало в Древней Элладе, в истории о Пираме и Фисбе: их несчастной любви, противопоставленной ненависти двух домов и горьком конце, столь же нелепом, сколь и печальном. Все, как и рассказал Шекспир, пересказывая, скорее всего, именно ту самую историю на новый лад. А может, пользуясь более современным, по его меркам, текстом, о схожей истории, писанной в Италии.

С течением времени эпос стал забываться, литература эпохи Просвещения уже окончательно порвала с ним, создав на основе одного другие формы произведений, иные способы передачи мыслей и настроений. Но, видимо, тоска по великим свершениям и неведомым землям, заселенным чудовищами, странными народами, исповедовавшими неизвестные культы, оста-

лась. Иначе трудно объяснить столь стремительный в начале века двадцатого взлет именно этой литературы. Уже осмысленно не переносимой во времени на тысячелетия назад, как это делали Сенкевич или Скотт, не отправляемой на окраины земли, как об этом писали Дойл или Хаггард. Нет, мир начинался заново, с восторгом открываемый и автором и его читателями. Совсем новый, так похожий и столь отличный от нашего. И населяли его не только и не столько люди, но и другие существа, поначалу создаваемые из древних легенд своих или соседних народов, а после, когда фантазия разыгрывалась на полную, выходя за пределы всех и всяческих мифов и преданий. Творя миры такими, каких их еще никто не видел. Для этого достаточно вспомнить Терри Пратчетта хотя бы, выдумщика, каких мало, и его серию романов о Плоском мире.

И хотя жанр волшебной сказки появился совсем недавно, он тут же обрел как ярых своих сторонников, собирающихся позвенеть мечами в гербах и доспехах того или иного королевства из семи противостоящих, а может обратиться в иную расу из представленных на территории Средиземья, – так и противников, не менее яростно доказывающих неуместность, несуразность и нелепость подобных сборищ. Мораль противников как раз понятна – в их представлении фэнтези это не более, чем сказка для взрослых, украшенная несколько в большей степени красивыми побрякушками неведомых стран и народов, нежели сказка для детей, традиционная и устоявшаяся за прошедшие с времен начала Просвещения века, и приправленная острым соусом того, что считается запрещенным отрокам.

Определенная доля правды в этом есть. Хотя, конечно, не все так просто. Ведь фэнтези это не только и не столько форма эскапизма автора или, если автор коммерческий, то читателя, уставшего от дрызг современного общества и жаждущего из него хотя бы в книге выбраться в те неведомые дали, где и люди проще и добрее и есть те, на кого можно положиться и те, на кого и в реальной жизни хочется броситься с мечом, да вот только полиция не даст. Но это еще и иной способ выражения своих мыслей. Отчасти возвращенный к истокам литературы, отчасти, переосмысливающий как раз современный мир и погружая его в фольклорные предания, с их четкими градиентами человеческих пороков и добродетелей. Вспомнить хотя бы повесть Астрид Линдгрэн «Мио, мой Мио» – это ли не история о противостоянии той коричневой чуме, что охватила Европу в период написания вроде бы подростковой волшебной сказки? Автор, по собственному признанию, имела в виду именно это. Но сейчас, когда история мальчика Бенке, ставшего принцем Мио в стране Дальней, сама стала памятником, текст ее воспринимается иначе. И рыцарь Като, с которым приходится бороться Мио и его верному оруженосцу Юм-Юму, теперь воплощает иные страхи и тревоги. И слова рыцаря о бессмысленности сражения с ним, ибо на его место придет новый монстр, увы, оказываются пророческими. Один монстр пал, но его место заняли другие, поплотче, помельче, но от этого не менее опасные. И в куда большем количестве. Иногда хочется задать другой вопрос – а придет ли сражаться с рыцарем Като другой принц Мио, и еще, и еще? Найдутся ли такие, способные не просто сразиться, но постичь каменное сердце и освободить от него само чудовище?

И это наверное, самый главный ориентир, отличающий, как и в любом другом жанре, хороший текст от скверного. Можно ли его перечитать через десять, двадцать, пятьдесят лет, имеет ли он смысл при этом прочтении? Хоть прежний, но лучше новый, вообще, хоть какой-нибудь.

Увы, в наше время прилавки книжных действительно ломаются от фэнтезийных поделок, авторы которых, не мудрствуя лукаво, пишут то, о чем их просит невзыскательная публика: о далеких странах, невероятных перевоплощениях, немыслимой магии и кровавых баталиях. Но истории большей, чем вмещают эти скупые строки, там не найти. Часто сами авторы попадают в подобную ловушку, и начинают писать о приключениях в чудесном мире именно ради самих приключений, и это тот случай, когда история, сколь бы красиво написана она ни была, отмстит творцу сама. Публика переменчива, а ее настроение подавно. Прочитав одно легкое и не требующее раздумий блюдо, она перейдет к другому, третьему, а четвертое возьмет у сле-

дующего в чередѣ автора, без разницы лучшего или худшего среди мастеров поделок, ведь, главное в таких историях именно приключения на фоне необычайного. А их можно сотворить какие угодно и как угодно скоро, так что авторы забываются, названия стираются, а остается только смутное желание прочесть еще что-то, не насытившись предыдущим, и поиски эти, если не найти плотную пищу для ума, нелегкую в осмыслении, но отрадную при перечитывании, окажутся вечными и бессмысленными.

Потому публика устает от очевидного однообразия, потому ищет ему замену. Но как часто ошибается, принимая шило за мыло и меняя одно на другое. А потому ругается на сам жанр, потому фыркает, едва услышав о магии и мечах, новых землях и неведомых существах. Непросто, очень непросто найти давно лелеемое, куда проще забыть и привычно отмахиваться, уже и в душе не сомневаясь, что нынешние писатели выродились, литература измельчала, а все, что можно было прочесть, написано, в лучшем случае, в самом начале этого века, а скорее всего, в веке прошлом – видимо, нынешний предполагает отдохновение от качества и восполняет его количеством. Хотя это далеко не так. Достаточно прочесть, как это рекомендуют работники издательств, сами разбирающие ежедневный поток рукописей, заваливающий их электронные ящики, первые три главы любого произведения, чтоб можно оценить его потенциальные достоинства и недостатки. Обычно в этих главах предисловие начинает разворачиваться в само повествование. И уже по стилю, по подаче, по рисунку текста, по его слогу, можно вполне четко и осознанно понять, с чем столкнулся читатель. Ведь не зря же почти каждое издательство просит авторов написать синопсис, а к нему приложить именно такое количество глав, не больше и не меньше. И уж потом, ознакомившись, решает, стоит ли овчинка выделки. Решает, конечно, по своим правилам, но читателю важно иное – увидеть и понять, можно и нужно ли связываться с взятой в руки книгой. В книжном никто не прогонит потенциального покупателя, если он вдруг открыл том и начал знакомиться с первыми страницами, а на сайте того же самого магазина и подавно. Обычно открытые в свободный доступ десять-пятнадцать процентов массива текста – вполне достаточное количество для осознания его качества.

Но я слишком далеко отошел от предисловия, посему возвращаюсь уже непосредственно к роману, представленному в этой книге. Однако, чтоб сказать о нем пару слов, начну с того, как он написан. Хотя, наверное, многие произведения в жанре фэнтези созданы именно так, основываясь на вполне себе земной истории.

«Но как же так? – спросит меня вѣдливый читатель, – Ведь сказка она и есть сказка, чтоб не подчиняться законам логики и трактовать события, влияя на них, как душе автора угодно». Отчасти я буду согласен с этим положением. Но только отчасти. Если вернуться к эпосу, откуда и пошла история фэнтези, то и там можно встретить подобные временные допущения. Особенно характерные для изустного мифа: герои не стареют, события, растягивающиеся во времени на десятилетия, ничуть не меняют их, а порой, напротив, только молодят. Или же, в один-два года истории вписывается столько всего, такие пертурбации, что и за пару десятилетий вряд ли успеют произойти.

Но ведь это и есть художественное переосмысление истории. Не случайно события «Кольца нибелунгов» продолжаются не один десяток лет, а герои, встречаясь друг с другом, по-прежнему молоды и столь же тверды в своих убеждениях и скоры на поступки. Не случайно и обратное – вся любовь Ромео к Джульетте уместилась всего в несколько дней, от знакомства на балу, до смерти. И в этом есть своя логика – время, есть инструмент рассказчика, и оно изменяется именно по его воле, дабы в одном случае показать одну ипостась героев, в другом же совершенно противоположную. А потому вряд ли кто будет спорить с Шекспиром, столь стремительно оборвавшим юную страсть, вряд ли кто покусится на безымянных рассказчиков повести о Зигфриде, Хагене и мести Кримхильды, которая состоялась, когда возлюбленной «девушке» стукнуло где-то пятьдесят. Подобные допущения осмысленны и всегда тщательно

прорабатываются создателями, волей судеб своих героев вынужденных идти на подобные временные экзерсисы.

Но вернемся к подлинной истории. Я, как большой ее любитель (не могу не отметить собственные исторические сборники «Неизвестная война» и «Отряд Нандо Бругейры», повествующие о конфликтах двадцатого века и роман «Безымянный замок», рассказывающей о средневековой Польше и написанный совместно с Анной Райновой), всегда основываю собственные миры на культуре, обычаях и нравах того или иного народа. И подмешиваю в них, подобно завязтому кулинару, что-то от наследия народа другого, часто совершенно отличного и по времени и по месту положения. Часто настолько, что казалось бы, они эти народы, вовсе несовместимы. Как финны и японцы. Но и у тех и у других, к примеру, есть особенность, ставящая их на одну плоскость – несгибаемая решимость противостоять лишениям, напастям и невзгодам, подниматься, оказавшись у судьбы на лопатках и не становиться на колени, что бы ни случилось. Только эта черта характера у них называется различно: сису у финнов, бусидо у японцев. А в остальном... да любой современный народ это гремучая смесь былых народов, ушедших в небытие, растворившихся в нем, в соседях, претерпевших такие метаморфозы, что изменили его навеки. А равно традиции и культуру. Скажем, древнегреческая культура охотно прижилась у завоевателей Эллады – римлян, сами же греки вполне охотно переняв христианство, отказались от многих своих обычаев тысячелетней давности. И то, что мы считаем их особенностью, скажем, танец «сиртаки» есть произведение уже двадцатого века, композитора Микиса Теодоракиса. То же можно сказать о еврейской культуре, не имевшей средневековья и ставшей сплавом современности и архаики, созданной авторами, жившими уже в недавнем двадцатом веке. О финской, начало переосмысления которой положило отделение от России. О многих других, вместиливших в себя завоевателей и завоеванные народы. О тех же русских, которых наши северные соседи именуют на старый лад кривичами, ведь Московия произошла именно от этого племени, а вобрала в себя. и с Востока, и с Запада безмерно. И с византийцев, с латинян, германцев, татар, и прочих, всего и всякого во множестве. Как словарного запаса, так и обычаев, обрядов и отчасти, самого характера.

Неудивительно, что и я, соображаясь с тем, как творила народы сама история, достаточно привольно конструирую ментальность собственных наций, что заселяют мир романа «Нет имени страшнее моего». Можно даже угадать, откуда что берется в них, если повнимательнее глянуть на историю, обычаи и верования – последнему я уделил особое место в повествовании. Тоже странная смесь из языческих верований и политеизма, наподобие римского или славянского. Но, с другой стороны, разве в России мало мест, где язычество, или шаманизм, не проникают в буддизм или христианство? Да и так ли далеко надо забираться, если здесь, на Европейской территории России можно найти поселки, где активно празднуют и языческую Кострому и Масленицу и нечто среднее между христианством и язычеством, появившееся уже в Средневековье или в более поздние века – скажем, городушки на Петров день, Духов день, празднование Ивана Купалы или иные, странно смешанные обычаи.

Многие отказывают фэнтези в признании под тем предлогом, что «придумать легко», достаточно напихать некий стандартный набор чудищ, скажем: орков, эльфов, гномов или русалок, леших, кикимор; растворить его меж людьми, одетыми по моде Средневековья или античности – и готово. Но даже такому миру необходимо развитие, история, культура, общность и цельность. Калькируя один и тот же сюжетный ход, однотипных героев и схожие схемы развития, можно получить много поделок, не имеющих никакой цены. А потому авторы обычно очень долго и трудно подходят к написанию того или иного фэнтезийного романа. Я не говорю сейчас про себя, но приведу в пример Марию Семенову, автора «Волкодава». В произведении присутствует огромный пласт материала, который хорошо знаком автору, поднаторевшему на истории и обычаях Древней Руси, но весьма мало знаком читателю. А потому отторжения или непонимания не происходит. Ну и конечно, благодаря умению автора не про-

сто полностью погружать читателя в свой мир, но и делать его понятным, логичным, антропоморфным.

Да, вот еще одно звено, от наличия или отсутствия которого зависит судьба текста. Увы, но всякая история должна быть интуитивно понятна, осязаема и ощущаема читателем, без этого, как бы хорошо и явственно не был написан текст, не случится связи между персонажем и живым человеком, не произойдет взаимопроникновения, читатель просто отложит книгу, подумав: мол, написано хорошо и мысли какие-то есть, но что мне с того? Потому, как невозможно описав мир пришельцев из далекого космоса, не ввести туда людей, либо контрапунктом, либо одними из героев в научной фантастике, и в фэнтези невозможно просто сотворить мир, населив его неведомыми существами и только про них писать. Хоббиты, гномы и эльфы Средиземья являются порой больше людьми, чем сами люди в трилогии Толкина. Неудивительно, что именно поэтому «Властелин колец» завоевал столь большую популярность именно как литература, описывающая вроде бы невозможное и невозможное, но которая так недалеко в своей сути ушла от эпических сказаний, на которых, собственно, и основывал свои тома профессор. Многие в курсе, что эльфийский язык является компиляцией угро-финских наречий, а святы тексты «Сильмариллиона» вышли из «Калевалы» и конечно, библии. Что сам мир Средиземья, если положить его на карту Англии Темных веков, подойдет, как влитой, и не покажется странным, что тогдашний Лондон и его окрестности станут Мордором. Ведь именно через этот город, эту реку и приходили все завоеватели: как ранние англ и саксы, так и более поздние викинги и норманны. Фактически, если мы рассматриваем историю хоббитов, мы говорим о тех самых легендарных временах короли Артура и Мерлина, но только с ожившими чудесами, их волхвователями-друидами, ставшими эльфами, пиктами, которые жили в землянках и стали похожи на хоббитов... и так далее и тому подобное. История очень интересно может преобразовываться, стоит только включить фантазию. А ее у профессора Толкина всегда было в достатке.

Надеюсь, и мой роман, сотворенный сюжетно в сознании и скомпилированный со странной, страшной и удивительной историей как Руси, так и окрестных, большей частью, северных народов, не пройдет мимо вашего внимания, читатель. А его герои, тоже вроде бы из иных мест, похожие и не похожие на нас, заинтересуют. Ведь они писались с нас, как и личностей исторических, так и современников, но вполне себе земных персоналий.

Приятного вам прочтения!

Кирилл Берендеев

Рисунок на обложке – картина Жана Огюста Доминика Энгра «Юпитер и Фетида»

Нет имени страшнее моего

Глава 1

Франсуа Буше «Геракл и Омфала»

«Как странно устроено восприятие, – размышлял Абайм, подкладывая под бок еще одну подушку, – достаточно женщине переодеться, и она становится совершенно неузнаваемой. Будто нарочно».

Он повернулся к выступающим на середине залы разодетым в шелка танцовщицам. Те ровным полукругом разошлись по сторонам, подняли вздохнувшие бубны в вытянутых руках. Вперед вышла девушка.

Ее прозывали Ишкой. Лет шестнадцати, белолицая с начерненными бровями и ресницами, крепкая, розовотелая, в струящемся халате с длинными, до пола, рукавами. Бубны дрогнули, Ишка взмахнула руками, точно крылами, глаза полыхнули лазоревым пламенем, спина изогнулась, повинувшись зазвеневшему ритму. Окружавшие ее девушки замерли, мелких переборов пальцев по натянутой коже бубна невозможно было различить. Двигалась только Ишка: медленно кружилась, с удивительной грацией подбегая то к одной своей товарке, то к другой, плавными движениями перетекая по кругу: где рукой, где хлестким ударом рукава, где распущенными волосами касаясь бубнов, и, в зависимости от прикосновения, легкое или тяжелое оно было, те откликались, то едва слышно позвякивая, то шурша, то звучно громяхая. Ишка порхала меж ними, танец убыстрялся. Уж колокольцы и тарелочки звенели, не переставая, а длинные рукава металась все быстрее, наполняя комнату затейливой вязью звуков. Ишка летала, ровно бабочка, обрамленные цветными ленточками пестрые бубны, были похожи на разросшиеся до невиданных размеров ромашки. Казалось, обретшая невиданную прыть

девушка умудрялась одновременно дотягиваться сразу до всех ярких тарелочек, те отвечали ей, страстно откликаясь на любое прикосновение. Пораженный изумительной точностью движений Абаим глаз отвести не мог.

Хлесткий музыкальный рисунок внезапно сменился полной тишиной. Халат сорвался с танцовщицы, полетел в сторону одной из танцовщиц, ударил в бубны, вызволив странный жалобный наигрыш. Исполнительница враз замерла, опустилась на колени, лбом коснувшись пола.

Ошарашенный Абаим захлопал в ладоши. Его никто не поддержал, странно. Он удивленно огляделся по сторонам, крутя коротко стриженной головой, но никого рядом не обнаружил. Вспомнил с досадой: товарищи неприметно ушли в начале танца, оставив новоизбранного начальника императорской стражи развлекаться в одиночестве. С ним распрощались, но Абаим, увлеченный танцем, не слышал слов, и теперь досадовал на себя: выходило, что товарищи предпочли выразить почтение, оплатить девушек, и, посидев накоротко, удалиться – вроде как он им не ровня, ведь Абаим с завтрашнего дня допущен охранять самого государя. И может видеть самодержца не только по праздникам, а почти в любой день, о чем ушедшие и мечтать не смеют.

Ишка подседа, обняла, нежно куснула за ушко, ласково зашептала поздравления. Абаим притянул девушку к себе, спросил, отчего раньше так не танцевала; та улыбнулась, сверкнув жемчужной белизны зубами, и, с явным нежеланием говорить, изрекла нечто об особом случае, затем, уже без слов, покорно поддалась сгребшим ее в охапку рукам. Так в обнимку они и смотрели на завершение танцев ее товарок, исполнявших неторопливый хоровод. Он чувствовал, как под ищущими ладонями торопливо бьется девичье сердечко. Ишка ласкала его в ответ, осыпала грудь нежными поцелуями, от коих по телу расходилась нега. Абаим разом перестал ощущать себя пьяным и безвольным, только и способным валяться на подушках. Он хоть и выпил прилично, но желание выхлестнуло дурман из головы, заполнив иным опьянением, и при этой смене промелькнула мысль, а не потому ли друзья покинули его, уходя по одному и едва слышно прощаясь. А может еще по одной, редко называемой причине.

Нрав императора суров, если не сказать, жесток, но ладно только это, и не при таких господах служил Абаим. Многие рассказывают про самодержца всякое такое, что лучше и не слышать. Неудивительно, что и охрана меняется так быстро да все не по своей воле. Куда пропадают прежние охранники – никому не ведомо. Верно, потому товарищи и прощались с ним, как с живой тенью, потому и скинулись на девушек и ужин.

Но ведь Абаима не выбрали в стражи, он сам назвался, когда объявляли на площадях о новой должности, уже второй за месяц. Прибыв в указанное глашатаем место, попал под перекрестный допрос заместителя начальника императорской охраны, гадателя и личного советника императора – и ведь прошел отбор. Его уговаривали остаться в столичной дружине, сам Жебрák, тысячник, уламывал. Чего ему не хватает, давно получил славную должность сотника, почетную, да и платят от души, в кои-то веки у него и дом свой, и наложница, и рабов почти дюжина.

Ишка застонала тихонько, Абаим погрузился в омут блаженства, затягивающий с каждой минутой все глубже, все дальше от тревожных переживаний. Слушая, как шепчет Ишка про него, обожаемого, не мог не усмехнуться внутренне, вот ведь, какая-то его часть, не одурманенная вином и страстью, насмешничала сейчас, напоминая ехидно, кто девушка для него, а он для нее.

Танцовщицы продолжали кружение, музыка пьянила сильнее вина. У Абаима замутилась в голове. Еще несколько мгновений, и он забылся странным сном, ничуть не отличным от яви.

Вернее, так: рывком он проснулся. Ничего не переменилось в комнате, разве что свет бесчисленных ламп и ночников заметно потускнел. Первое время Абаим подумал: наступило утро, и девочки ушли отсыпаться. А мамка почему-то до сих пор так и не появилась, чтоб

распорядиться насчет завтрака для по-настоящему дорогого гостя. Он не сотник теперь, правая рука Жебрака, бери выше, он...

Шорох шагов, или ему послышалось. Он поднялся на ноги – нет, никого. Обернулся, мягко на пятках, и не мог не вскрикнуть от изумления. Прямо перед ним, на кругу, стоял седой сутулый старик, высокий, очень высокий. Уж на что плечист и здоров вымахал Абаим – на голову выше всякого в городе, а и то, старик лишь самую малость не превосходил его ростом; вот если б распрямил согбенную спину, точно превзошел.

Опираясь на тяжелую клюку, деревянно постукивавшую при каждом шаге, старец подошел к стражу, полы цветастого халата шуршали по гладко натертым доскам, цепляли ковры, подушки. Одним взглядом своим, цепким, острым, как у коршуна, заставил Абаима сесть. И сам примостился рядом. Не поворачивая головы к воину, заговорил.

И тут случилось странное: сколько ни силился потом Абаим, никак не мог вспомнить не только слов старика, но даже содержания разговора. О чем говорил старец, ведь явно не о доме, в коем так неожиданно оказался. Вещал что-то важное, объяснял и поправлял, напутствуя слушателя. Но только все, о чем говорил почтенный, осталось для Абаима тайной по пробуждении. Верно потому, что старик, прежде чем отпустить стража, повелел тому пройти коридором забвения. При этом указал на выход из танцевальной залы в главные гостиные дома терпимости. Абаим отчего-то, сам не понимая, что делает, поклонился старцу и сделал ровно так, как и было велено, спустился по знакомым ступеням. Вот только попал вместо залы в каменный мешок, заполненный водой. Дышать вода позволяла, больше того, Абаим понял, что находится под ее волнами, лишь подле двери, расположенной в конце мешка. Отперлась та легко, воин выплыл, в полутьме нащупав ступени, и оказался... все в той же танцевальной зале. Старика в ней не было, страж личных покоев бросился назад – и вот тогда-то проснулся.

Ничего не изменилось в зале. И, вместе с тем, изменилось все. Абаим рывком поднялся на локтях, только сейчас поняв, что заснул и проснулся. Рядом сидела распорядительница дома терпимости и терпеливо ждала пробуждения. Взглянув на нее, воин резко отвернулся, наткнувшись взглядом на обслугу, неспешно убиравшую по углам следы вчерашней удали.

Позавтракав торопливо, Абаим отправился к новому месту службы, пока еще как гость, на часы ему заступать только через сутки. И уже по прибытии неожиданно узнал о неожиданном решении переменчивого властителя.

Неприятный холодок разлился по телу, Абаим не знал, как воспринять свое неожиданное повышение – теперь он станет не просто одним из личных стражей государя, но старшим над ними. Временно исполнявший эти обязанности Хандога отказался от должности, предложив вместо себя им же выбранного новичка. При этом остался заместителем, коему придется вводить в дела новоиспеченного начальника. И теперь, душным летним полуднем, когда Абаим, выслушивая недлинные истории заместителя, постоянно оглядываясь, брел впервые в жизни по Тайному замку – дворцу всемогущего господина и правителя Островной империи, – его то и дело продирал морозец. Он ежился и оглядывался на Хандогу. Нынешний его помощник, жилистый мужчина под пятьдесят, многое на своем веку перевидавший да переслушавший и никак не в меньшем поучаствовавший, был немногословен, вязко, степенно описывал новичку все преимущества и тяготы новой должности, а раз уж о том речь зашла, никак не мог обойти словом и самого государя-императора.

– Не говорю хулы, только свое мнение о государе высказываю, – повторил Хандога. – Но его величество себе на уме. Особо никого не привечает, можешь даже не стараться понравиться. Но и спуску не дает. Будешь выполнять в точности, как скажет, похвалит, но не более. Не сумеешь – взыщет по полной. А потому лови каждое его слово и не бойся переспросить, когда что непонятным покажется. Да и придворные правила: все эти шапку туда, голову сюда – забудь напрочь, он этого не любит. Войдя, опустишь на колено и слушай. Если понял – кивни.

Сейчас-то меня понял? – Абаим не сразу сообразил, что Хандога смеется, помолчал немного, но затем расхохотался.

– Теперь уразумел, – вдоволь насмеявшись, ответил он.

– И еще учти – ты начальник, с тебя за всех спрос. А потому никогда не задавай вопроса «зачем?», – его величество этого не любит настолько, что, видишь, как с прежним начальником поступили – сварили в морской воде, да при этом полдня просто нагревали. – Абаим явственно вздрогнул. – Вот то-то и оно. Нас, кроме тебя, здесь шестеро, мы ученые, а кое-кто – и на своей шкуре. И не благодари дважды – он этого тоже не любит.

– Тоже может?

– Он? Да за все и что угодно может придумать, – без тени улыбки ответил Хандога. – Вот хоть помешали ему в раздумьях, а пуще того, в делах каких, что на свет не хочет выказывать. За это особенно.... Да ты не бойсь, молодые боятся, а ты..., тебе уж под сорок, страх к таким годам сам исчезнуть должен. Или только сотником и был в охране?

– Я ж с островной пехотой дважды ходил за море. Да что там, юность в казармах провел. А что я говорю, ты сам меня экзаменовал, знаки отличия видел, послужные листы, тем более.

– Ну, не кипятись, не кипятись, я просто страх из тебя выбиваю. Здесь боящихся не любят.

– Тоже сварят не спеша?

– Молодец, очухался, – Хандога похлопал его по плечу. Абаим хотел спросить, не поэтому ли его новый товарищ не стал даже пробоваться на роль старшего, но не решился. Взгляд старого стража не позволил новичку задать вопрос дважды.

В тот день император еще раз помянут был: когда Хандога повел нового начальника осматривать пространства Тайного замка, шепча едва слышно почти про всякое строение, что они проходили – на любое у старого стража находилась своя историйка. Хандога все время говорил полушепотом, покуда не объяснил – как бы им не потревожить господина, в эти часы он гуляет в закрытом саду, обдумывая свои дела. А дела его такие, что стражам лучше вовсе не знать. Абаим услышав это, поморщился недовольно. Верно, на то Хандога и рассчитывал, потому как усмехнулся в ответ левым уголком рта да повел начальника в кухню стражи, махонькое здание у самой лестницы на Невестину башню замка, где его приветили и накормили, как и полагалось.

Вечеру Абаим держал напутственное слово перед стражами, а наутро приступил к обязанностям. В положенное время с невольным трепетом постучался парадную залу Высокой обители – место, где император принимал всех, работающих в Тайном замке.

Император повелел ему войти. Воин исполнил приказание. Высокие, в три человеческих роста, двери немедля бесшумно и вроде как, самостоятельно закрылись. Абаим, не доходя трех шагов, опустился на колено, склонил голову, положи перед собой меч в ножнах. Молчание продлилось долго, очень долго, пока ждал слова государя, нового начальника пот прошиб. И только по прошествии этих мгновений, показавшихся Абаиму часами, государь приказал поднять взор – в его присутствии никто, кроме ближайшего круга самых доверенных лиц, да еще и родственников, коими род императора небогат был, не имел права стоять даже. Абаим незаметно, краем глаза, осмотрелся: высокая зала уходила в небесную синь, потолок раскрашен лазоревыми красками столь естественно, что казалось, барашки облаков, плывут в вековые дали, а массивные колонны-деревья медленно качают малахитовыми кронами. По стенам залы шли забранные тонкими решетками стрельчатые окна, будто прорехи в глухом лесу; стекла омывал с утра зарядивший дождь.

Вошедший посмотрел на императора, стараясь не выдавать ни своего волнения, ни любопытства, ибо со столь близкого расстояния он видел впервые в жизни правителя Островной империи. На вид невзрачный сухой человек, невысокий, с волосами мышиного цвета и потихоньку разрастающейся лысиной на макушке. Если бы не яркий, шитый золотом и усыпанный

сапфирами халат, подвязанный массивным серебряным поясом с золотой пряжкой, изображавшей битву горгульи со львом, государя можно было бы принять за собственного секретаря, недавно казненного астролога или даже советника по особым поручениям. Окажись господин в толпе, немедля слился бы с нею, исчез, растворился – от одной этой мысли Абаиму сделалось не по себе.

По счастью, на помощь ему пришел сам властитель. Приказав подняться, он отдал первый приказ начальнику своей стражи:

– Распахни гардины в левой анфиладе, пусть пропитается солнцем, – негромко, не разжимая зубов, произнес государь и, легонько шаркая серебряными туфлями, удалился. Абаим бросился исполнять приказание, чувствуя необычайную легкость на сердце, а в душе – песнь песней, ровно небесный посланец коснулся его крылом, прогоняя прочь дурные мысли. И едва исполнил, вернулся к Хандоге. Тот молча поставил перед ним стакан виноградной водки.

– Теперь я понимаю, – выдохнув в приятно пахнущий солодом и тмином хлеб, произнес Абаим, – почему ты сам не стал начальником стражи, а решил устроить испытание среди сотников, и меня прописать на эту почетнейшую должность.

Последние слова он произнес нараспев, точно глашатай, месяц назад, объявлявшей о монаршей милости. Услыхав это, Хандога расхохотался и щедро плеснул из кувшина еще.

Глава 2

Они быстро сошлись – начальник дворцовой стражи и его первый помощник – не заметив, как стали закадычными друзьями, ничего друг от друга не таящими, горести и радости делившими пополам, как хлеб за одним столом. С другими пятью охранителями покоя государя Абаим так не сдружился, верно потому еще, что остальные воины были пришлецами с севера: немногословные, высокорослые, плечистые веси с Кремнистых гор, говорившие с заметным оканьем, глотавшие слова – они и прежде держались особняком, ныне же, лишенные прежнего начальника, тоже веся, и вовсе сплотились в свое дружество, будто в противовес обоим коренным жителям столицы, чистокровным тайгийцам.

Но многочисленные дела стражей не оставляли времени даже на небольшую размолвку меж ними. От самых что ни на есть пустячных, до требующих не просто навыка службы, но умений определенного свойства, кои чаще дают отъявленным головорезам, душу продавшим за горсть монет. Охранители всей душой ненавидели подобные поручения, но отказать державному властителю никак не могли. После месяца службы Абаим с уверенностью мог бы назвать свою новую жизнь синекурой, ведь кого охранять им было, кроме себя да немногочисленной челяди величественного замка? Господин их, как уверился раз начальник его покоев, мог позаботиться о себе сам. Больше того, вся семерка скорей помешала бы, нежели помогла повелителю Островной империи.

Случилось проверить это неделю назад, когда в Луговой слободе, что краем своим примыкает к Невестиной башне замка, начались беспорядки. Столица Абаиму всегда казалась выстроенной несколько несуразно. Сердцевину города занимали халупы нищевродов да мелких торгашей, а уже севернее появлялись и рынки поприличней, и дома понадежней. Южная часть столицы одевалась выпранным гранитным камнем, красовалась высокими изящными сооружениями – здесь обособленно жила городская и имперская знать. На севере и востоке в грубый известняк рядился только первый этаж строений купечества и мастеровых людей, остальные дома, покуда хватало взгляда, оставались деревянными, до тех самых пор, пока не вырастал среди башен храмов и шпилей молелен холодный серый гранит укреплений Тайного замка. Поговаривали в городе, что прежде подле самого причала существовала старинная крепость, чьи века перевалили за полтора десятка. Дед нынешнего императора, будучи отставленным генералом, не пожелавшим признать свой позор, но решивший биться за прежнее звание, собрал войско и после почти двухлетней осады взял твердыню и сверг тогдашнего тирана, вывесив его тело за окно опочивальни на поругание воронам. А после повелел разобрать крепость по блокам, перетащить в другое место и собрать там иное укрепление – Тайный замок. Вскорости поселившись там, он и себя признал императором и империю свою возвысил войнами и захватами новых земель.

Так в стороне от хоженных дорог, на северной окраине города возникло новое строение, строгой красотой своей и величием многократно превосходившее прежнюю крепость: три ряда стен, отстоявших друг от друга на сорок локтей каждая и толщиной в пятнадцать локтей, образовывали внутри себя сложный лабиринт, не давая ни пешему, ни конному, с наскока взять замок. Высокие башни поднимались на высоту в сотню локтей, и располагались через каждые две сотни сажен.

Леса окрест замка вырубili, и повсюду понатыкали во множестве хитроумные ловушки, будто узурпировавший трон генерал всю свою жизнь готовился к возможному отмищению, не случившемуся ни с ним, ни с сыном его, ни с внуком. Последний и вовсе, казалось, позабыл о возможной угрозе. Ведь едва взойдя на престол, нынешний император приказал снести ловушки, надолбы да колючки, щедро разбросанные на добрые полмили вокруг замка, а вместе с ними две внутренние стены. Повелел возвести на высвободившемся месте оружейную,

дома для слуг, перестроить и увеличить дом приемов. Этот роскошный дворец не для редких заморских гостей предназначался – им путь в Тайный замок, как и любому со стороны, был закрыт, останавливались они во дворце Тысячи ночей, сооруженном еще генералом-узурпатором, и тайным ходом примыкавшем к замку правителя – именно через его подвалы рассчитывалось отступление нового хозяина замка, в случаях восстания или измены. Дом приемов предназначался исключительно для родичей, дальних и близких, однако же, сколько помнил себя Абаим, те почли уместным ни разу не посещать Тайный замок: не то приглашения не получая, не то не рискуя оказаться в тенетах недоброго родственника. Многие из родни вседержителя, не мудрствуя лукаво, переехали на континент, многие попросту исчезли, так что поражавший своей пышностью и великолепием как внешней, так и внутренней отделки дом всегда пустовал.

Неподалеку от него, на самом западном краю Тайного замка, между Особой и Кислинской башнями, повелел внук мятежного генерала построить молельный храм по своим чертежам: странное сооружение с двенадцатью покатыми черепичными крышами, по две на каждый этаж, и двумя вызолоченными коньками, чьи флюгеры всегда, будто повинувшись неведомому влечению, показывали друг на дружку, как бы ветер ни противился их намерению. На левом коньке флюгер изображал льва, на правом горгулью. Когда ветер оказывался особенно силен, со стороны казалось, будто сцеплялись эти два зверя не то в смертельной схватке, не то в любовной охоте.

Внутри храм выглядел и вовсе удивительно – того Абаим сам не видел, а только слышал из рассказов Хандоги, передававшего со слов прежнего астролога, которого скатили с холма в бочке, утыканной длинными острыми гвоздями. Святилище изнутри представлялось огромным колоколом, издырявленным бесчисленными окнами. С самой верхней четырехскатной крыши спускался почти до пола, так что между ним и настилом оставалось не больше вершка, массивный металлический язык, как говаривал астролог, привезенный императором с континента. «Никаких украшений в храме нет, только этот огромный язык да какие-то средства управления им, и тексты, повествующие об этом управлении, – говорил Хандога, оглядывая изящно украшенный лепниной божий дом, – верно, неспроста это, верно, отсюда император и черпает свою силу».

Такую, что проявил на прошлой неделе, когда в Луговой слободе случилось восстание. Затеяли его отнюдь не нищebroды, а крепкие, невысокие охотники и ловцы из южных земель нганасаны, всегда отличавшиеся и достатком и уверенностью в себе и уж что-что, а мятеж поднимали прежде исключительно в собственных землях. Но только не в тот раз. Выяснилось: среди нганасанов шустило не то три, не то четыре мага; понукаемые ими, многие мужчины, жители слободы, похватили оружие, что находилось в каждом доме охотника и составляло его гордость и славу и стремительно бросились к твердыне. Будто по условному сигналу, хотя, скорее всего, так и вышло. Не прошло и четверти часа, как они прорвались к подземелью Тайного замка и через час, а то и меньше, уже оказались на стенах твердыни. Где полусотню крепких, злых до смерти мужиков, вооруженных до зубов, встретила лишь семерка охранников.

Как известно, ни одно восстание не возникает просто так. Год назад на островах Няа случился неурожай кукурузы – основного продукта, что поставляли нганасаны Островной империи испокон веков. Но цены на зерно не повысились, крестьяне сперва несмело, а потом и во весь голос возроптали. В ответ же на недовольства из столицы отправился карательный корпус. Пошерстили и Луговую слободу, кого-то выслали, да вздернули около десятка местных. Няйцы смолчали, но простить обиды не смогли. Но прежде чем ответить, выждали больше года после того, как корпус истребил последнего бузотера и отправился в казармы, расположенные в двух десятках миль от столицы – тоже мера безопасности боявшегося под конец жизни даже собственной тени генерала-узурпатора. И вот, как удар под дых, – утреннее восстание, начавшееся с призыва одного из няйских верховных магов не мириться с государем-угнетателем, а показать силу и славу нганасанского оружия.

Слобода полыхнула как ржаной сноп, все находившиеся в ней здания городских управителей немедля оказались в руках нийцев. Хуже того, по неведомо как отысканному ходу из захваченного утром дворца Тысячи ночей, восставшие ринулись в Тайный замок, в запретные владения. Стража императора спохватилась лишь, когда нийцы принялись крушить решетки, прорываясь к заветной цели.

Абаим терялся всего пару мгновений, пока Хандога не отослал нескольких слуг предупредить живущих в замке, чтобы те запирались и доставали оружие, защищая самодержца, – а, тем временем, стражи попытаются пусть не остановить, так хоть замедлить натиск.

«Ну вот и первое испытание», – со странным смешком крикнул ему Хандога, ускоряя бег к Арсенальной башне, через подвалы которой шли нганасане. Абаим не понял его слов, да и некогда вдумываться было. Явившийся страх стремительно скрылся, новый начальник на ходу распределял обязанности среди подчиненных. Одного отправил для согласования действий с дружинами, ведь даже в этот наипаснейший момент они не имели права нарушить обет и войти в замок, двух других – завалить проход, отсекая ворвавшихся. С остальными уже Хандога ринулся в башню, пытаясь скорее пробраться к спешащим по переходам нганасанам, ошалевшим от неслыханной наглости, от малочисленности охраны, а потому режущим всех, попавших под руку, и, хорошо еще, пока обходящихся без магов, заплутавших в переходах нижних этажей замка.

Стражники успели облачиться в доспехи – бой во дворце Тысячи ночей шел, по меньшей мере, с четверть часа, прежде чем группа восставших просочилась внутрь и переходами рванулась к замку. Но столь быстрого нападения все одно никто не ожидал, ведь охрана императора состояла из людей, на нынешней службе не познавших запаха крови, а потому обрушившиеся на них испытание оказалось внезапными; многие успели позабыть все то, чему учились в дружине или войсках. Сам седовласый Хандога, начавший служить в охране предыдущего императора, прошедший и не такие заварухи, не мог предположить столь стремительного проникновения нганасанов внутрь Тайного замка.

И, тем не менее, он оделся лучше всех – едва заведя вниз мелькание огней, накинул поверх панциря еще и кольчугу. В таком вооружении Хандога становился малоподвижен, но удары ножей, мечей и даже секир наносили ему самый малый урон. Абаим немедля отправил своего помощника в хвост их маленького войска. Покуда они пробирались по лестнице, Хандога уже сцепился с двумя крепкими мечниками, отчаянно шарашившими ветерана двуручным оружием. Когда Хандога сумел пробиться к последнему из мечников, кольчуга буквально распалась под градом непрерывных ударов. Впрочем, на все это Абаим смотрел лишь мгновение – пока его отряд добегал до первого пролета, где находились нганасаны.

Обнажив обе короткие сабли, начальник стражи с криком бросился на противников. Запах крови ударил в голову, вызвав позабытое прежде возбуждение – что там Ишка с ее подружками, что хмельная бравада пройти по доске над рыночной площадью, что бои стенка на стенку в экспедиции на континент – все это стерлось, развеялось в дым. Сразу вспомнилось былое, его сражения на континенте. Но только одно дело, когда твою грудь прикрывает щит товарища, а твой щит – доспехи другого ратника, что слева, – он и защитит тебя и подставит меч и отразит удар, и поможет, равно как и ты отразишь удар, подставишь щит под стрелу и добьешь падающего противника, все еще пытающегося достать хоть кого-то. Здесь выходило все иначе: узкая лестница, темные переходы, враги, появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда, и твои друзья, ждущие, когда им вступить в бой. А случится это не раньше, чем падешь под ударами вражьих топоров и мечей ты сам.

Оттого сердце колотилось и кровь прилиwała к глазам, била барабанной дробью в мозг, заражая отчаянным бешенством, без которого в такой рубке никуда. Абаим позабыл и про наставления Хандоги, и про императора, и про свой первый бой на новом посту, как про первое испытание его отваги и верности – и хвала богам, что позабыл. На площадке ему встре-

тились двое головорезов, вооруженных один цепом и кинжалом, другой двуручным топором. Счастье, что именно такое нелепое сочетание досталось ему, ведь противники сильно мешали друг другу. За несколько ударов располозовав обоих, обрубив сперва руку, машущую тяжелой булавой на цепи, а затем выпустив кишки второму, готовящему удар, он, прыгнув вперед, оставив добивать корчащихся в луже крови и внутренностей своим товарищам. Какой-то высоко-рослый богатырь спускался на помощь, длинный меч скрестился с его саблями, Абаим ушел от разящего удара, рубанул по ключице, пнул, бросившись дальше – добивать некогда.

Он выскочил на стену. В проходе Арсенальной его уже поджидало человек десять, к которым подбегали и подбегали, выбираясь из катакомб, заблудившиеся нияцы, те, что уперлись в тупики и ловушки стены и теперь собирались в кулак, чтоб пройти огнем и мечом по стенам, добираясь до обители императора.

Абаим остановился, на какой-то миг растерявшись. Светловолосый коротыш отвлек его от нежданно нахлынувших мыслей, ткнул с силой пикой в панцирь, острие шибануло так, что Абаим отлетел к стене, попытался ответить. Сабля беспомощно звякнула о сталь, не добравшись до древка, слишком длинен оказался наконечник, слишком сильно давил коротыш, чтобы подняться и попытаться дорубиться до нганасана. На помощь пришли свои, двое воинов обрубили мелкому руки, однако, следующие пики с длинными, в локоть, наконечниками уже уперлись в них. Бросив саблю и растолкав товарищей, Абаим метнул нож, целя в горло одного из напирających. Тот видел момент замаха, все видел, и увернулся, нож лишь царапнул по обнаженной шее. Тогда Абаим прыгнул на пики, прижимая их к земле. Пускай теперь ему и оставалось жить всего ничего, но его стражи, освободившись, отомстят, порубят неприятеля в крошево. Он верил, он знал, он чувствовал это. И вдруг получил тяжеленный удар арбалетным болтом в грудь, от которого замерло дыхание, а в глазах потемнело – точно пелену набросили.

Но не настолько темную, чтобы не увидеть происшедшее в следующее мгновение. А в оное... бой попросту прекратился. Противники, замахнувшиеся мечами, поднимающие копьа, заряжающие самострелы, двадцать, тридцать или сколько бы их там ни находилось на крепостной стене, все разом исчезли, будто и не было их никогда. Абаим и еще четверо стражей Тайного города остались в одиночестве, отражать удары канувшего в небытие врага.

Немая сцена продолжалась, кажется, довольно долго. Покуда снизу, на лестнице, не послышался тяжелый перестук ног, обутых в металлические башмаки. Уже по тому, как ступал человек по каменным ступеням, можно было догадаться, кто он.

– Хандога? – крикнул, сморщившись от внезапной судороги Абаим, буквально задохнувшись на вопросе – боль от удара стрелы и не думала проходить, верно, ребро сломано.

– Живой, – опаленный, покрытый рубцами и ссадинами, с иссеченным панцирем, старый вояка предстал перед молодым, только принявшим свое боевое крещение начальником. – И почти невредимый. Тебе-то крепко досталось?

– Не успело достаться. Я только стрелу получил в броню, а мои... Авдаша вон зацепило, да и вроде все.

– Считай, императору понравилось.

– Так ты думаешь, его колдовство?

– А чье же. Проверка была, простая проверка, – это уже произнес очухавшийся и встрявший в разговор старших чернявый Авдаш. – Все догадались, не сразу, но... – он тоже скривился, порезанная грудь сочилась кровью, та быстро пропитала рубаху и подкафтанье, наде-тое им наспех под панцирь. Абаим посмотрел на своих товарищей, затем, тяжело поднявшись, огляделся. Шум стих и вдалеке, по ту сторону стены, разом прекратившись, будто кто неведомый залепил им уши воском. И там, внизу, дружинники, только что схлестнувшиеся с нганасанами в жестокой сече, так же пристально вглядывались в пространство, не находя прежнего противника.

Абаим с досады бросил обе сабли на пол, стоящие окрест вздрогнули, как по команде.

– К чему ж тогда все это? Все дело наше...

– А дело наше в другом, начальник, – отвечал Авдаш. – Сам понимать должен, в чем именно.

– Авдаш! – прикрикнул на зарвавшегося воина Хандога.

– А это... считай, тебя проверяли, – все же dokonчил мысль упрямец, прежде чем получил жесткую пощечину металлической перчаткой.

Глава 3

Вечером император позвал Абаима к себе. «Так положено, – объяснял Хандога, – все, что он тебе скажет, потом останется между вами. Так что слушай, запоминай, и не дай боги тебе кому рассказать об этом разговоре – вскипяченный предшественник тому порукой. Нет, – добавил Хандога, – на сей раз я тебя не стращаю, от беседы все дальнейшее зависит, это не первое знакомство, тут император про тебя все видел, все взвесил и все накрепко решил. И возможно именно это тебе и предстоит узнать... А иногда и тихая неприязнь хуже лютой смерти», – почему-то присовокупил он в самом конце, отправляя Абаима на встречу.

Однако же ее в тот день не случилось. Срочные вести, полученные императором, заставили Абаима прождать несколько часов у запертых дверей зала приемов, а после и вовсе отправиться восвояси. Тревожные, неприятные вести, усилившие и без того тяжелое состояние стража от неслучившейся встречи, и еще больше волновавшего его грядущей беседой, обещанной после того, как император, мрачнее тучи прошествовал мимо Абаима и скрывшийся в храме, вернется оттуда. Хотя вряд ли настроение его величества в ближайшее время изменится, ведь речь шла о государственной измене верховного командующего карательного корпуса Истёфа, перешедшего на сторону чамалинцев и поддержавшего восстание в недавно присоединенной провинции – единственной, что связывала Островную империю с континентом. Мятежный генерал отлично знал, на что бить и как. Он с легкостью отрезал порт и крепость Чамалин от соседних селений, где сосредоточились туземные силы, перешедшие под власть империи, а затем в два приема распылил их. Удар достиг цели. Двенадцать лет назад император преподносил захват города как главное свое свершение, ибо лично участвовал в кампании, – тогда в качестве почетного генерала, – двигал войска, осаждавшие Чамалин, и едва не первым взойшел на его крепостные стены, утверждая там стяг отца, и призывал войско двигаться дальше, сметая врагов в глубине густо заросших вековыми лесами территорий. Он очень старался выискать расположение отца-императора, ибо был сыном от второй жены, так что в очереди на наследование стоял весьма далеко. Но та битва многое могла переменить. Но отец довольно прохладно тогда воспринял его геройство, похвалил, но и на этом снова отдалил сына, вернув к матери, снова вон из Тайного замка.

Вот только после того же, как умер старший сын первой жены, а младший выпал из окна дворца при обстоятельствах, о коих старались молчать при дворе наследника, новые доказательства геройства не понадобились. Отец неожиданно переменялся, приблизил к себе сына. А затем и вовсе признал в нем первого наследника.

А войска, в тот год захватив изрядный ломоть земли вокруг Чамалина, в следующие десятилетия потерпели ряд крупных поражений, и вынужденно приступили к обороне важнейшего оплота империи, единственного места, через который остров вел все дела с остальными странами. Крепостью император дорожил как зеницей ока. И тут столь подлый и столь хорошо продуманный удар.

Имперские войска распылились, подавляя крестьянские восстания или пытались овладеть островом Тис, святым местом не только для тайгийцев, но и многих других народов, а также средоточием морской торговли и рыбного промысла, издревле оспариваемого у континентальных соседей, в особенности у Мангазеи. Именно в это время экспедиционный корпус, присланный перекрыть доступ чамалинцев к собственной столице, внезапно перешел на сторону врага. Больше того, с легкостью пропустил, не попытавшись задержать хотя бы малую толику, из двигавшейся на Тис армады главных противников Островной империи – мангазейских судов, идущих на помощь странному своему союзнику – Юракскому царству, чьи легионы успешно обороняли этот остров. Ведущий хоть и продолжительную, но в целом неплохо развивающуюся осаду Тиса младший генерал Заварза вынужден был незамедлительно отсту-

пить и теперь, покрытый позором, неохотно возвращался в столицу. Он не вступил в бой, не посмев уничтожить все войско в неравной схватке. А император готовился его встретить со дня на день. Никто не сомневался, что это будет за встреча. Император не прощал ни слабости, ни неумения отстоять свои планы, пусть и ценой всего имевшегося корпуса.

Накануне траурного приезда Заварзы лаяли собаки, почуяв неладное, рвались с цепи, пытались бежать, неведомо куда. Птицы, гнездившиеся вокруг Тайного замка, также затихли. Замерло все, и только неведомо откуда взявшаяся гроза, тяжело надвинувшись на столицу, вплоть до самого вечера оставалась висеть над ней, величаво погромыхая незримыми молниями, прятавшимися глубоко внутри свинцовых туч, почти касавшихся шпилей храмов города. Дождь так и не пошел, да и, казалось, не ждал его никто. Сама гроза, как поговаривал Хандога, явилась символом могущества самодержца, таким же, как враз стихшие возмущения в Луговой слободе.

Хандога никаким подобным приметам давно уже не удивлялся, а в особенности столь тяготившему Абаима молчанию императора. «Конечно, — говорил он привычным полусшепотом, и теперь начальник стражи понимал, почему, — сперва состоится казни, а твоя беседа с государем перекинется на потом». Но Абаиму хоть какой бы намек получить, хоть единственный — ведь за всю эту неделю властитель сколь ни появлялся перед начальником собственной стражи, ни разу не удостоивал его не только словом, взглядом даже. И этот знак казался дурнее всех предыдущих.

Молодой воин передумал все думы, размышлял так и эдак, но кроме скверных снов да привычки просыпаться с отчаянным криком, будящим Хандогу, ничего из невеселых мыслей не вынес. Под конец кажущейся бесконечной недели не выдержал, пошел к императорскому астрологу за советом, благо тот мог дать оный любому, находившемуся на монаршем служении, и, может, открыл бы перед начальником стражи злополучную карту судьбы.

Мудрец встретил его весьма охотно, они поговорили вроде бы ни о чем, но каждое слово казалось Абаиму исполненным потаенного, подспудного смысла, который он, исключительно в силу серости ума, никак не был в силах постичь. На том и расстались, астролог пожелал сделать для него карту судьбы немного позже, — сейчас, когда властитель как на иголках, он никак не мог сосредоточиться на чем-то другом, пусть даже и для некоего отдохновения от дел государевых.

Спускаясь от него по лестнице, неприятно скрипучей, Абаим все не мог отделаться от ощущения, что уже имел схожий разговор на подобную тему, вот только когда и где? Он медленно шел, ступеньки потрескивали и взвизгивали, жалуясь на нелегкую долю, и тут только Абаим вспомнил. И вихрем вернулся в покои астролога.

— Ты виделся мне месяц назад во сне, — с порога выпалил он перед изумленным мужчиной, снявшим халат и оставшимся в белесой рубаше и длинных льняных штанах. Астролог, вдруг взволновавшись, поднял голову, позабыв про свой неподобающий наряд, поспешил усадить начальника стражи и приказал немедля и как можно подробнее рассказать сон. А выслушав, долго кивал, прежде чем заговорить.

— Все не так просто, как ты полагаешь, — достав гадальные кости и выбросив их перед собой, а затем указав сделать то же и Абаиму, произнес почтенный Сабаней. — Судьба играет с тобой, указывая твой путь через меня. И, вполне возможно, я даже могу сказать, о чем идет речь. Хотя это лишь домыслы человека, пусть и изучившего почти в совершенной ясности столь великие науки как гадание по кофейной гуще и по полету птиц, значение звезд и планет, кружащих над нашим домом в бесконечном танце, уготованном богами. Частенько предсказания сбывались, для многих вопрошающих они оказались верными. Не побоюсь возгордиться немного, с их помощью многие из живущих в Тайном замке приходили к успеху. Именно поэтому меня сделал своим астрологом сам господин наш и повелитель, да продлятся его дни тысячу лет. А прежний государев астролог... Лжецов и лжеученых у нас вешают за ребро, я бы

поступил с ним в точности так же, а не стал бы скатывать в бочке с гвоздями с холма, точно жалкого вора, будь на то моя воля.

И помолчав недолго, снова заговорил об императоре, вот только на сей раз повествование его, как казалось Абаиму, никакого отношения к начальнику стражи не имело. Тем не менее, почтенный Сабаней продолжал беседу, выкладывая перед начальником стражи сокровенные тайны государя, которые поневоле вгоняли молодого воина, не привыкшему к такой откровенности, в краску и буквально заставляли опускать очи долу, ровно стыдливая девица. Площадную брань от астролога легче было стерпеть, чем новые познания о государе от него же.

Астролог ничего не собирался скрывать. Ни того, что в недавно построенном храме император занимается астрономией, самой богомерзкой из всех наук, ибо с ее помощью пытался постичь божественные замыслы до того, как сойдет в вечность и встретит на переправе через реку, отделяющую мир живых и мертвых, лодку бога солнца Дьэля. Ни того, что через сии богомерзкие занятия лженаукой сошелся с демоном темной сестры Дьеля Катамаи. Государь предложил сему порождению тьмы нечто весьма ценное, за что тот охотно снабжает его могущественными артефактами, позволяющими творить не просто простецкую волшбу, наподобие той, что совершает сам Сабаней, но магию столь великую, кою другой ни перебить, ни отбиться не мыслимо. Невероятно силен демон, служащий императору, и так же немислимо жутка в своем могуществе его магия и сила отданных императору вещиц, коими он без раздумья творит такое... Да что говорить, свидетелем этого богомерзкого чародейства был сам начальник стражи, неделю назад, во время восстания. Хорошо еще, придворный лекарь своими умелыми заклинаниями быстро поставил Абаима на ноги.

Про демона в столице или окрестностях, да и в самом замке, не рассказывалось ни слова – даже Хандога, вроде бы знавший все и обо всем, ни разу не поминал подобное. На всякий случай воин переспросил астролога, уверен ли он во всем сказанном, но вызвал лишь кривую усмешку на лице невысокого веса.

– Я сам видел храм изнутри, и убедился во всем вышесказанном, прочтя немало книг, поговорив с досточтимой Тиресией, отправленной в изгнание десять, нет, уже одиннадцать лет назад, когда государь только взошел на престол, помнишь? – Абаим механически кивнул. – Именно после бесед с ней я окончательно уразумел, для чего используется сооружение. А не рассказывал ни тебе, ни кому бы то ни было прежде, друг мой, лишь потому, что ни ты, ни кто-то другой не был готов для подобного разговора. Сейчас же твой сон заставил меня изменить решение...

– Я вспомнил сон в мелочах именно сейчас, покидая тебя, почтенный, – перебил его начальник стражи. – Но почему сегодня, в эту ночь?

– Сны никогда не лгут, – сердечно положив руку на плечо собеседника, продолжал Сабаней, подводя Абаима к заваленному рукописями столу. – И виденный не так давно сон мне представляется основой основ твоего дальнейшего существования в нашем мире, твоей истинной целью и самым предназначением. Да-да, не более и не менее. И то, что ты вспомнил о сне именно сегодня, также немаловажно во всей этой истории. И, что я рассказал тебе, тем паче.

– Но я не понимаю тебя, мудрец...

– Пока не понимаешь, но ежели посидишь тут, вот на этом ложе, хотя бы часок, я постараюсь, как могу быстро, построить карту твоей судьбы. Ежели мои выкладки в отношении императорской карты не лгут, а они не должны лгать, сколько ж не лгали, вот тогда... – он поднялся, заходил по комнате. – О, нет, лучше уж начну. Нет, лучше... нет...

Сабаней несколько раз усаживался за стол и немедля вскакивал, трепля волосы и подтягивая слишком широкие штаны. Вспомнив, наконец, о своем виде, о приличиях, надел простецкий полосатый халат, запахнул его, снова уселся, но уже через полчаса внезапно вскочил со странным вскриком или всхрипом, и не разобрать было испугавшемуся начальнику стражи. Попросив побледневшего Абаима не покидать комнату до поры, до времени, он бросился вон,

изрядно перепугав и прислуживающую по дому рабыню, хотевшую узнать насчет запоздалого ужина, прикрикнул на нее, повелев исполнять всякое слово гостя, и тотчас исчез, только перестук деревянных сандалий затих вдали.

Вернулся Сабаней не один, он привел с собой советника по делам провинций, казначея, а также гадателя последнего, буквально замершего на пороге, едва его взгляд остановился на Абаиме. Все трое немедленно подошли к столу имперского астролога, вспомнив про гадателя, воззвали к нему. Велев начальнику стражи сидеть недвижимо за чашкой кофе, только гущу потом передать гадателю в неприкосновенности, сгрудились в противоположной части комнаты, у стола, изредка поглядывая то на стража, то в окно, покуда советник не порекомендовал немедленно занавесить его «от дурных глаз» да получше. Начальник стражи сидел, ерзая на враз показавшемся жестким ложе, точно вновь пребывал на встрече у государя, понимая, насколько важно каждое слово, оброненное втихую собравшимися, и что, как бы ни повернулось дело, что бы ни показала карта, сочиненная ведунами, будущее его уже изменилось, и, скорее всего, самым решительным образом.

Сколько времени продолжалось это сборище, Абаим сказать не мог. Он и так пребывал не в своей тарелке, видя, какой переполох поднял его рассказ у первых людей страны, изучавших пристально не только его, но и государеву судьбу. А ведь императора всем жителям государства надлежало почитать как полубога, как земное присутствие самого небесного вседержителя Дьяля. И тут такое взволнованное небрежение к высшей особе. Потому еще он едва пригубил горький кофе, который и без того терпеть не мог, и поспешил поскорее от него избавиться, передав гадателю. Тот поколдовал с чашкой недолго, воскликнул нечто нечленораздельное, спешно заработал стилем, малюя папирус, набрасывая строки поверх прежних записей, и положил свои заметки в общий ворох бумаг, коих набралось уже преизрядно. Поскольку всякая грамота в империи ценилась очень дорого, ибо закупалась на континенте, то такой ее расход, со злым комканьем, бросаньем в очаг, разрыванием на мелкие кусочки, казался Абаиму намеренным кошунством. Впрочем, все в доме астролога в эти часы виделось таковым. Потому, когда действие с уничтожением бумаги закончилось, – а вышло это уже глубоко полночь, – все четверо подошли к начальнику стражи, и Сабаней протянул тому две карты, испещренные мудреными рисунками, значками и таблицами, Абаим задрожавшими руками принял листки и, не удержав, выронил их на ковер. Ему подали сызнава.

– Невероятно, просто невероятно, – пробормотал советник, обращаясь к Абаиму, и, будто подтверждая еще раз его мысли, продолжил: – Как один сошлось. Ты прав, тысячу раз прав, почтенный Сабаней, что пригласил нас сюда, мы присутствуем при начале новых времен. Ах, как жаль, что нет с нами художника, чтобы запечатлеть нынешний миг, не вовремя император подвесил живописца за ребро.

– За ногу, – хмуро поправил астролог, не отрываясь от листов, которые, даже не пытаясь понять, держал в руках их подопечный страж.

– У вас плохая память, уважаемый Сабаней, я прекрасно помню, что был крюк. На крюке он висел.

– И тем не менее, подвесили за ногу, – он обернулся в сторону казначея, но тот взял сторону советника, они еще недолго препирались по поводу казни, но затем снова сосредоточились на поданных Абаиму листах.

– Простите, вельможные господа, но я не понимаю в сих картах ни единого слова и знака, – наконец, пробормотал, устыдившись своей астрологической безграмотности, начальник стражи, понимая, что лучше сейчас показаться несведущим, чем потом мучиться догадками и снова обращаться к Сабанею, но имея при этом самый, что ни на есть, дурацкий вид. – Не можешь ли ты, мудрейший, обрисовать мне в мельчайших подробностях, что значат эти рисунки и таблицы.

– С превеликой радостью и усердием, – отвечал астролог. – Взгляни, друг мой, вот сюда, это твоя карта судьбы, а вот эта, та, что ты держишь в левой руке, императора. Взгляни внимательнее, вот знак Небесной колесницы, приходящийся на одно и то же время в обеих картах. У господина нашего он перевернут, у тебя возвышен. Вот знак Мельницы и Страстей, и снова пересечение. И вот последний схожий символ – Ломаного перекрестка.

При этих словах едва слышный вздох пронесся среди всех собравшихся, исключая самого начальника стражи, по-прежнему смотрящего на листки как на няйскую грамоту.

– Это все означает... – астролог замолчал на полуслове. – Нет, не решаюсь сказать, лучше вы, советник.

– Ну что вы, уважаемый, вам же выпала честь...

– Я не смею в вашем присутствии... – новые препирательства, наконец, Сабаней дал себя уговорить и продолжил. – Это означает только одно. Ваши с императором жизненные линии совпадут в одной точке, и это случится завтра: вам судьбою определено одно испытание на двоих. Однако, выбор испытания судьба оставляет за императором, само действие же за тобой, уважаемый страж. И, несмотря на силу позиций звездного дома нашего господина, все может решиться в твою пользу. Больше того, твоя решительность, честность и открытость испытаниям в какой-то миг позволит одержать над императором верх.

Абаим замер. Медленно поднялся. Мысли спутались, как пеньковый канат, завязанный неловким матросом.

– Каким же это таким образом... одержать верх. Уж не заговор ли вы мне предлагаете? – при слове «заговор» все четверо немедля отшатнулись от начальника стражи и одновременно закачали головами.

– Ты не можешь не знать, что заговоры в отношении его величества бесполезны, всякий, осмелившийся думать дурное о нем, истирается из нашего мира одной только силой его мысли. Нет, речь идет именно об уготованной и ему, и тебе судьбе, о предначертанном, о том, что ни я, скромный астролог, ни ты, всего лишь начальник стражи... прости, я хотел сказать – пока начальник стражи, ни сам всемогущий полубог-император не в состоянии изменить. Завтра случится неминуемое. Вы выйдете друг против друга, это уже не обсуждается звездами, но вот исход вашего поединка будет зависеть, прости меня еще раз, исключительно от тебя, почтенный Абаим. Прежде всего, от тебя.

Новые путанные рассуждения влиятельных господ. Абаим понял, что дольше его вспухшей от невозможных мыслей голове не выдержать и попросил отложить всякие объяснения на потом. Обсуждение разом остановилось, сиятельные склонили перед ним головы и молча проводили до дверей, пожелав приятных сновидений. Будто в насмешку.

Глава 4

Абаим проворочался до рассвета, а после, чтобы хоть как-то избавиться от тяготящих разум мыслей, решил отправиться на пост. В этот раз его смена начиналась в семь утра, но терпеть до этого времени оказалось выше его сил. Абаим прибыл за два часа до назначенного срока, чем немало удивил стража.

– Сегодня я заступаю раньше. Авдаш, свободен, – он сам удивился тому, сколь твердо прозвучал голос, хотя зубы и стучали, дрожало все тело, будто у немощного старца, ожидающего последних часов, отведенных ему в этой юдоли скорби. Молодой хотел возразить, но что-то в лице Абаима закрыло ему рот крепче любого окрика, он молча кивнул и, вскинув руку в приветствии, ушел. Абаим заступил на пост и долго смотрел вслед уходящему.

А затем проклятые мысли вернулись, выворачивая мозг наизнанку. Что за случай, что за судьба такая, – мешалось и путалось в голове. К чему приведет, что подарит, отнимет что? И, главное, отчего ж так быстро, будто все не заранее приготовлено, выверено и собрано звездами воедино, а в страшной спешке собрано и предъявлено на его усмотрение. Может, так и получилось? Объяснений астролога и главного советника он уж не помнил, ворошение мыслей не давало никоим образом рассуждать стройно, обращая все доводы рассудка в страх и мучительные сомнения в себе и в мире, вдруг потерявшим прежнюю твердость и естественную прямолинейность. Абаима бросало то в жар, то в холод. Он оказался не в силах сосредоточиться даже на своих страхах: заполонившие голову горячечные мысли, смешавшись в кучумалу, твердили каждая свое: одна, беспечная, праздновала некий успех, другая, трусливая, трепыхалась мерзким холодком. Третья, исполненная сомнений, уверяла, что все есть ложь и предательство, не более. Четвертая, умудренная опытом, поминала, что все есть суета сует и вечная суета, что бы он ни сделал, выбор уже произведен за него, другой вопрос, кем и чей это выбор – горный или человеческий. Шестая требовала пойти к Хандоге и все ему рассказать, седьмая напоминала о долге и чести и обязывала идти к самому господину императору и каяться, каяться... А были еще другие мысли, восьмые, десятые, двадцатые, они приходили и возвращались, и не давали покоя, Абаим не заметил, как стал ходить кругами все быстрее и быстрее, покуда буквально не воткнулся в представшего пред ним Хандогу.

– Император зовет всех пред его очи, – произнес воин. – А ты плохо выглядишь, дружище, – добавил он столь же негромко, после чего сердце Абаима подскочило и замерло в полете, где-то у горла. – Я вижу, ты давно уже тут. Пойдем, дело срочное.

– Это из-за меня? – вырвалось у него. Хандога оторопел.

– Из-за тебя? А что ты натворил-то такого, отчего зовут всех, а не палача или пыточных дел мастера? Ладно, пошли, там разберемся.

Но Абаима пришлось вести до площади, добраться сам, привычной твердой походкой, он оказался не в состоянии, ноги, враз сделавшись ватными, буквально отказывали. Хандога, с удивлением глядя на товарища, придерживая того за руку, вел за собой и говорил негромко, но от этого полупшепота Абаиму делалось только хуже.

Император созвал не только стражу, рядом с ним уже находились и астролог, и главный советник. И палач. Вот странно, увидев того, Абаим немного успокоился, хотя почему, и сам не понял. Начальник стражи подошел ближе, оглядываясь по сторонам в поисках неведомо кого еще.

Государь стоял на стилобате своего храма, скорее, обсерватории, как обозвал это строение астролог. Ведь он один из ныне живущих тайком заглядывал туда, а зная тайный смысл многих предметов, хранящихся и расположенных внутри, предположил среди таких и наличие великой подзорной трубы, именуемой телескопом – не ту, что приставлял к глазу всякий астролог, но именно средство наблюдения за звездами, тот самый непостижимый размерами

язык храма-колокола, надежно прикрученный к четырехскатной крыше, о коем рассказывал еще Хандога. С его помощью император разглядывал небесную твердь, в надежде лицезреть обитель богов или, того хуже, отправить туда своего прирученного демона в качестве злобного ответа Дьелю за полученные могущественные артефакты. Может, принадлежавшие самой Катамае, может, ее присным, но, как бы то ни было, под присмотром сестры сделанные.

Рядом с самодержцем находились главный советник и палач, на ступеньках храма – астролог, а на самой храмовой площади, выложенной базальтовыми и гранитными плитами, полукругом стояли стражи его величества. Они немного растерянно поглядывали по сторонам, не то в ожидании других зрителей, не то просто пытаясь понять и просчитать дальнейшие действия вседержителя, исходя из сложившейся обстановки – но пока безуспешно.

Абаим последним вошел в полукруг, и тот принял его, сомкнувшись. Император, помолчав немного, заговорил негромко, но эхо, многократно усиливавшееся благодаря умелому расположению строений на площади, разгулялось меж ними, отражаясь, теряясь и возвращаясь, буквально сходясь на вынесенной из врат дворца бронзовой плите, где уже лежало два меча, один против другого.

– Я получил сегодня утром карту жизни, составленную моим верным астрологом, – как-то безучастно начал государь свою речь. – И немало удивившись начертаниям, решил проверить ее самолично, чего прежде не делал, ибо доверял ему. Все сошлось, и это печальная новость как для меня, так и для дражайшего составителя гороскопа, ибо всем ведомо, насколько я не терплю скверных новостей. Посему мой астролог будет казнен, но несколько позже.

Он оглянулся на миг. Сабаней сошел еще на одну ступень и едва не оступился. Помочь ему оказалось некому, он нелепо взмахнул руками, крылья рукавов яркого узорчатого халата, казалось, хотели вознести его в небо, но не случилось. Он выпрямился. Все снова замерло.

– Карта предсказала мне следующее, – все тем же ровным голосом продолжал император. – Среди стражей моих есть мой злейший враг и преданнейший друг. И если друг не предаст меня, враг мой будет повержен. Увы, я пока не вижу среди вас моего врага, но и не желаю дожидаться мига, когда враг захочет нанести удар, пусть даже умозрительный, пока в его голове зародится сам замысел этого удара! – внезапная вспышка ярости охватила правителя, и тут же исчезла. – Я не намерен ждать так долго, а потому повелеваю стражам сражаться меж собой, до того момента, пока в живых не останется лишь мой единственный защитник, или пока он не будет повержен. Остаться должен только один. Я объявляю схватку выбора. Первыми выйдут Абаим и Хандога. Остальные, уйдите с поля.

Стражи молча повиновались. Астролог медленно поднялся на стилобат храма и присоединился к палачу и советнику.

Абаим огляделся по сторонам. Нет, больше никто не выйдет. На мгновение ему показалось, что в окне на женской половине дворца качнулась занавеска. Возможно, лишь показалось.

У императора было две жены, одна из рода весей, другая же получена им в качестве ответного дара за отправку войск для проведения карательных действий против населения на островах Сакáр и Твелó. Абаим не вдавался в подробности, что именно произошло в те не столь и далекие годы – кажется, туземцы подняли восстание, возмущенные не то насильственным обращением в чужую веру, не то налогами, не то постоянным отъемом земель в пользу чужой церкви, словом, дела запутанные, и никоим образом жителей самой империи не касавшиеся. Разве что во время той войны глашатаи на площадях всякий раз живописали победы доблестных воинов, приводили ужасающие цифры потерь туземцев, рисуя картины всеобщего хаоса и разрухи, особенно среди тамошних жалких и тщедушных вождей, что усердно искоренялись карательным корпусом. За несколько недель стремительной войны все было кончено: острова перешли под контроль сначала военачальника Заварзы, получившего за это звание младшего генерала, а затем одного из континентальных правителей, щедро одарившего империю золо-

том и мехами, а императора, ко всему прочему, красавицей женой и еще двумя или тремя наложницами. Об этом не возглашалось на площадях, но передавалось из уст в уста, в качестве особой гордости, от слуг, приближенных к простецам, жаждущим хоть так причаститься к императорской славе и могуществу.

Народ по тому времени очень тепло и с большим приятством относился к молодому императору, отчасти из-за того, что уж очень много казней устраивал новоиспеченный монарх, все больше над вельможными чинами, на потеху простецам, в качестве определенного уравнивания всех сословий перед лицом единого вседержителя. Вот только в последнее время еще перед восстанием нганасанов...

Нет, это определенно не ветер, занавеску качнула женская рука. И почему ему думается сейчас о ней, непонятно. Абаим встряхнулся. Надо готовиться к битве, а не рассуждать.

Страж несколько раз встречался с подаренной за карательный поход супругой владыки. Ну как, встречался... видел, когда паланкин проносили мимо, в дни, означенные ей для прогулки. Ладно, попасть в Тайный замок не всякому вельможе невозможно, но еще и доступ на женскую половину, где проживали жены и наложницы самодержца, запрещен всем, кроме самого господина императора и нескольких евнухов. И только во время прогулок возможно, хотя бы умозрительно, увидеть небесный лик супруги.

Кажется, пару раз ловил на себе ее взгляд... думал, что ловит, ведь ей также запрещено не только встречаться с мужчинами, но лицезреть кого-то, кроме мужа и повелителя. Посему, когда ее паланкин выносили из Тайного замка, простецам обязывалось падать ниц, дабы не видеть ничего, кроме ног носильщиков. Даже жителям дорогих домов, мимо которых она проезжала, запрещалось открывать ставни. Будучи сотником, он охранял часть ее пути – от галереи до моста – и иной раз не мог не посмотреть в сторону неспешно проплывавших окон, забранных изящной бронзовой решеткой, изображающей розовые кусты, и закрытых газовой тканью. И несколько раз видел, определенно видел, как она поднимала голову и смотрела в его сторону. Вглядываясь в полутьму паланкина, он не мог ошибиться.

Наверное, еще одна причина, по которой он отправился попытать судьбу, воистину попытать, ибо стать ближе не значило получить доступ. За месяц, проведенный в Тайном замке, он так и не повидал ее, нигде и никак. Возможно, она сама хоть раз да высмотрела нового начальника стражи, даже скорее всего. Как и теперь следила за ним, за его поединком. Абаим тоже не хотел ошибаться в этом.

Император хлопнул в ладоши, Абаим очнулся, вспомнил о долге, чести и правилах. А еще о ней и о вчерашнем вечере, – все сплелось в голове, все смешалось, но, смешавшись, и выветрилось немедленно, стоило ему сделать первый шаг по направлению к стене.

Правила схватки выбора просты и понятны, ничего хитрого, никаких подвохов, только сила и скорость. Противники расходятся на расстояние в тридцать локтей от бронзовой плиты, по сигналу императора каждый стремится первым добежать до меча, и обретя это мгновенное преимущество, старается не дать сопернику завладеть своим оружием, или первым же ударом убить его. В нынешнем случае, последнее. И надо же так случиться, что именно против Хандоги поставили его. Но если император полагает...

Тот подал сигнал, мысли исчезли. Оба, отойдя на заданное расстояние, изготовились к рывку, а по сигналу тотчас бросились к разложенным на плите мечам. Начальник стражи еще успел заметить, что его заместитель не совсем в форме, что неровно дышит, не пришел в себя полностью после битвы с мятежниками, и, кажется, не слишком готов к подобному испытанию...

Абаим все сделал неправильно. Умом он понимал невозможность, непостижимость своих поступков, но никак не мог остановиться. Будто неведомая сила подхватила его и понесла вперед.

Он первым достиг бронзовой плиты, на несколько шагов опередив Хандогу. Зрители невольно ахнули, когда главный страж схватил предназначавшийся ему меч и ударил ногой по острию соседнего, так что, описав дугу, рукоять того легла Абаиму в левую руку. Исход стал очевиден, противники не имели никакой защиты от заготовленного оружия, никто и предположить не мог, что вызов к императору может означать подобное испытание. Да и предположив, вряд ли посмели надеть доспехи – все одно, господин приказал бы их снять. Ведь он спешил выявить врага и друга, а значит, долгие поединки устраивать государю ни к чему. Сегодня днем его еще ждет казнь младшего генерала Заварзы и обед с послом колониального архипелага Сакар и Твело, того самого, который покорял ради золота и новой жены младший генерал. А вечером традиционный обряд омовения в бане, а после, по совету астролога, посещение покоев первой жены. Она, единственная, даровала ему наследников. Странно, что вторая, сакарка, все еще жива. Ведь есть еще наследники от восьми из двенадцати наложниц. В том случае, если те рожали первенцев девочек, то приговаривались, к условному побиванию горящими угольями, становящемуся реальной казнью в случае повторения подобного. Жена же и вовсе не имела права родить дочку первой.

В тот миг, когда оба меча оказались в руках, ему снова показалось, как занавеси дернулись. Абаим перехватил меч Хандоги, взяв его, точно копье, и что было сил метнул – но не в противника. Будто молния пронизала сгустившийся от напряжения и наступающей жары воздух. И разрядилась кровавым пятном на белоснежном кафтане государя.

Мгновенное замешательство, все остолбенели. Кажется, действие Абаима показалось нелепой, детской выходкой, за которой сейчас же, немедленно, последует расплата. Вот в этот миг. Нет, так в последующий за ним. Или в наступивший после.

Но песчинки времени просыпались, и просыпались – и все впустую. Ничего не произошло ни в следующий миг, ни через один. Абаим, все так же державший меч наизготовку, пристально смотрел на императора, император отвечал таким же взглядом; да и Хандога, вцепившийся в бронзу плиты, не мог отвести взора от господина, равно как и прочие собравшиеся, ожидавшие неминуемой бури.

Но тут случилось непредвиденное. Император захрипел и стал клониться назад, а затем тяжело, плашмя рухнул на мраморные плиты храма, подняв едва заметное облачко пыли. Вонзившийся точно в сердце меч от удара чуть выскочил из раны, показав всем собравшимся священную кровь на своем острие.

И снова ватная тишь. И все те же неотрывные взгляды, сошедшиеся на поверженном господине и властителе. Один только астролог – сколько перед этим времени прошло, никому точно не известно, – первым сумел преодолеть себя и, подойдя к павшему и склонившись над ним, убедился уже в очевидном. И, разогнувшись, тихо произнес:

– Император умер. Как и было предсказано, – и далее чуть громче. – Слава императору.

Вместо того, чтобы упереться в небо, тем самым, напоминая кого-то из дальней родни только что убитого, тонкий длинный палец астролога буквально вонзился в Абаима. Почтенный Сабаней медленно преклонил колени. Среди собравшихся снова возникло недолгое замешательство, после чего его примеру последовал главный советник, а за ним уже все присутствовавшие.

И только Хандога, растерянный, обомлевший, остался стоять, опираясь на бронзовую плиту и взирая на труп.

Глава 5

Храмовая площадь по-прежнему пустовала, хотя, казалось, бездна времени утекла песком меж пальцев. И только окно женской половины приоткрылось – на ладонь, едва ли больше. Абаим бездвижно стоял, глядя на дрогнувшие занавеси, покуда к нему не спустился астролог. И указав на окно, тихо произнес:

– Пора действовать, господин, – Абаим недоуменно посмотрел на него, тот снова указал на женскую половину дворца. – Император должен править единолично, как и подобает истинному правителю, – и его взгляд упал на второй меч, что все еще держал в руках бывший начальник стражи.

Абаим немедленно понял его не высказанные вслух мысли, однако, никак не мог пошевелиться, дабы последовать им. Тогда Хандога повалился перед своим новоиспеченным господином. Меньше всего некоронованный правитель ожидал подобного.

– Прикажи пойти с тобой, господин. Все взять на себя. Показать свою преданность новому владыке.

– Показать преданность, – стража как снопы, переползши с прежнего места, рухнула к его ногам. Эхо нестройных голосов разнеслось по площади, заматавшись, вернулось вскриками и шепотами, точно насмехаясь над нежданно обретшим неслыханную власть и могущество. Абаим повертел головой, куснул губы, сжал в руке меч. Со стороны дворца приемов выбежали вооруженные служки, судя по одеждам, принадлежащие советнику, видно, по сигналу почтенного Цвѣля. В самой женской половине тоже зашевелились, а значит, времени осталось немного. Пока Тайный замок еще хранит свою страшную тайну.

Абаим наконец пришел в себя и кивнул собравшимся. Стража бросилась на женскую половину, главный советник свистнул слуг. «И откуда у него столько? – успел удивиться бывший начальник стражи, – Вроде бы за весь месяц не попадались на глаза, а тут не один десяток разом». Цвьель, не растерявшись, будто все происшедшее входило в его намерения, приказал тотчас окружить дворец и, поубивав евнухов, сторожащих подземелья, удержать находящихся во дворце от побега. Абаим отчего-то ничуть не удивился, с какой скоростью был выполнен приказ, как быстро слуги окружили дворец, откуда взяли оружие, да почему вообще оказались столь хорошо подготовлены, вырезая и стражей нравственности и чистоты, и заточенных во дворце жен и наложниц, да и самих наследников. Последним всегда везло меньше: шутка сказать, но указом деда покойного полубога они вообще лишались права покидать Тайный дворец, пока отец не укажет на одного, коему надлежит стать продолжателем рода. В этом случае иным отпрыскам оставалось либо бежать как можно дальше из Тайгии, либо сгинуть столь же быстро, как сейчас.

Палач присоединился к ним, широко шагая позади Абаима, он что-то насвистывал себе под нос, последнего это раздражало, но одернуть истязателя он не смел. Так они и вошли в покои – один с обнаженным мечом, беспрестанно озиравшийся, другой, насвистывая про себя надоедливый мотивчик и останавливаясь лишь, чтобы присвистнуть, увидев очередную обнаженную девицу, нарисованную на штукатурке или шелках.

– Ну чисто дом терпимости, – наконец, восхищенно произнес он, не обращая внимания на трупы детей, валявшихся то там, то здесь, а через некоторые попросту перешагивая. Не выдержав, Абаим одернул его, приказав замолчать, а сам поднялся на третий этаж – туда еще не добрались стражи, и там приоткрывалось знакомое окно.

Он едва не поскользнулся в луже крови, натекающей из трех наложниц, коим бездушно взрезали животы торопливые стражи, побросали кучей, словно скирду, и пошли дальше, – а кровь все еще вытекала, собираясь в большую лужу прямо перед лестницей. Коридор из комнат женской половины уходил в неведомую даль, Абаим лишь бросил взгляд в ту сторону,

направляясь к лестнице. Первый этаж дворца принадлежал отпрыскам императора, второй – наложницам, третий неровно поделили две жены, северянка взяла примерно три четверти помещений, жительница Сакара – оставшиеся четыре комнаты. Откуда он это узнал, никогда здесь не бывая? Все просто, неделю назад тщательно расспрашивал стражей, охранявших женщин и детей от нападения нганасанов, охранявших тщательно, но по счастью, напрасно. Когда же эта резня, волею ныне покойного императора, подошла к концу, Абаим вызвал к себе старшего евнуха, того самого, о чей труп едва не споткнулся при входе в женскую половину, и долго выяснял, что происходило во дворце, выведывая все больше о сакарке. Так и узнал, где расположена ее спальня. Оттуда выглядывала она, когда покойный дал сигнал к началу своей смерти, туда и устремился Абаим, движимый единственным желанием лицезреть свою недостижимую – о большем он ни прежде, ни сейчас мечтать не смел.

– Картли не трогать! – крикнул он подбежавшим слугам главного советника – ну повсюду они, кишат, ровно муравьи, рыжие муравьи, охрана в терракотовых кожаных нагрудниках, покрытых тяжелыми стальными квадратами, с саблями и кинжалами, как нельзя более подходящими для ближнего боя, вернее, избиения. – Вы слышали мой приказ?

Молчание. Кто-то, очевидно, сотник, остановился и ответил: «Да, господин», – не забыв поклониться в ноги. Он еще подумал, понял ли его воин, ведь это не имя жены, а прозвание, под которым император объявил ее супругой своей.

Еще раз вспомнив о ней, Абаим вздрогнул – что-то загромыхало внизу. Он спешно выглянул в окно. Это уже люди самого звездочета перекрыли площадь перед храмом, часть вошла внутрь и запылила здание, а другая за это время успела вынести что-то, складывая награбленное добро ворохом прямо на стилобат, невдалеке от одиноко лежащего трупа, который до сих пор никто не потрудился убрать.

Все верно. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что произошло в последние дни. Каждый боялся, проиграв, потерять все, потому каждый привел своих людей в Тайный замок. Абаим резко отодвинулся от окна, едва не столкнувшись с палачом, почтительно уступившим ему дорогу. Значит, не просто в заговоре он оказался, но в самом его центре, движущей силой, сутью и основой. И в таком тонком заговоре, какой только и возможен против столь могущественного в ведовстве императора и какой только в силах осуществить помощники истинного владельца земель. Не просто через третье лицо, но через лицо, ни о чем не ведающее, не догадывающееся даже. До самого последнего момента.

Почему-то вспомнился его старый учитель, седовласый Кула́й, не раз говоривший, что воинам приходится исполнять приказы тех, кто на деле является точно такой же куклой в чужих руках. Абаима дрожь пробрала от этой мысли. Постаравшись выкинуть поскорее ее из головы, он подошел к комнатам, занимаемым сакаркой, остановился, перевел дух, прежде чем потянуть ручку двери на себя. Снова остановился, проверяя, нет ли крови... Нет, крови не оказалось.

Дверь чуть слышно заскрипела, он невольно вздрогнул. Заглянул внутрь и тут же отшатнулся, едва не столкнувшись лицом к лицу с той, о которой, если и смел думать, то самое отвлеченное, всякий раз напоминая себе, кто она и чьей супругой является, дабы не помыслить лишнего, не посметь подумать, – хотя, что говорить, думалось все равно, несмотря на запреты. И сны, их ведь тоже невозможно проверять простому смертному, разве что магу, что в сновидческих делах умудрен с молодых ногтей.

Мысли снова смешались, он замер. Замерла и Картли, глядя на него, вцепившись, будто утопающий в соломинку, взглядом в его глаза, ища в них предначертанную судьбу. Еще миг или...

Невольно он отвел взор, отпуская напряжение, во мгновение ока возникшее меж ними. Взгляд остановился на полной груди, стянутой узкой рубашкой и покрытой безразмерным халатом, в коем надлежало появляться жене императора перед евнухами и прочей челядью,

но даже в нем она выглядела... Абаим с трудом совладал с нахлынувшими чувствами. Равно как и Картли, ухватившаяся за дверной косяк, внезапно ослабев, устало согнулась, глядя под ноги, все поняв разом и постигнув, смиряясь с новым своим предназначением – мужской взгляд слишком понятен и очевиден, как бы ни старался скрыть его Абаим, чтобы задаваться лишними вопросами о дальнейшей судьбе.

Чей-то истошный крик привел их в чувство. Внизу по-прежнему убивали, но уже тише. Звон сабель, прежде слышимый постоянно под ухом, теперь удалялся в конец второго этажа. Какое-то время пройдет, и шум борьбы и предсмертные вопли стихнут, остановив биение многих сердец окончательно и бесповоротно. Старых, юных, полных жизнью, так и не познавшей ее: для рубящих направо и налево это не имело значения. Слуги выполняли приказ. Даже не так... Они просто работали на нового императора, пусть еще не взошедшего на престол, но что может помешать после этого почти обязательного, какого-то животного действия Абаиму стать государем всей Тайгии? Раз на него сделана ставка самыми могущественными людьми империи, решившими сместить полубога и поставить на его место новое светило, горевшее не столь ослепительно ярко и послушное в их умелых руках.

Он отчего-то вспомнил, как молодой лев, изгоняя старого, убивает весь молодняк, что кормят львицы. Давно это было, почти двенадцать лет назад, в его первый поход на самый юг, на княжество Гóтию, присоединенное тогда к Островной империи. Возрастом и характером схожий с Хандогой, убежденный сединой ветеран Кулай, начавший свое служение еще при деде убитого полубога, рассказывал множество поучительных историй безумному юнцу, только что забриту в армию. Абаим происходил из крестьян и, вытянув жребий, вместе с еще тремя парнями из деревни отправился на двадцатипятилетнее служение во славу отца-императора, а затем и его сына.

Одна из историй повествовала о повадках горных львов, что во множестве водились на холмах и в низинах северо-восточной части острова, и от которых войскам императора доставалось почти как от лучников готийцев. И тогда эта история вызвала отвращение у Абаима, и сейчас, уродливо повторившись, заставила морозец пройти по спине. Он куснул губы, торопливо оглянувшись. И снова воззрился на Картли.

А ведь дед убитого им полубога в точности так же занял трон, положив в день восшествия на престол всех, до кого смог тогда дотянуться. Не многим же он отличается от прародителя прежней династии, подумалось Абаиму. С железистым привкусом крови во рту он, замерев, смотрел на Картли, вдруг увидев неподдельный страх в ее очах.

– Не бойся, – произнес он глухо, но слова никак не соответствовали тону, коими были произнесены. – Никто не тронет тебя. Я отдал приказ.

– Теперь ты приказываешь, – впервые он услышал ее голос, неожиданно глухой, точно хрустальный колокольчик враз покрылся множеством трещин. – Какой приказ будет отдан для меня, мой господин?

И снова пристально посмотрела в его глаза. И снова Абаим не смог выдержать ее взгляд.

– Пока никакого. Жди здесь, я приду к тебе позже.

Но вот остаться верным собственному приказу он никак не мог. Стоял в дверях и, неожиданно осмелев, пожирал ее взглядом. Как пожирает мужчина женщину, по праву принадлежащую ему и никому больше. Как горный лев жаждет молодую львицу, издали почувствовав запах ее течки. Но и в то же время во взгляде отсутствовало, наверное, главное – истовое желание, лишь немедленное удовлетворение которого принесет краткое облегчение.

Абаим вздохнул, она враз все поняла. И неожиданно посмела задать вопрос:

– Не будет ли мне позволено посетить свою наставницу, господин? Послы моего государства прибыли с визитом к моему... Вероятно, ты захочешь увидеться с ними сегодня, в назначенный час. Или определишь новый.

– Наверное, – он не думал, что говорит, мысли были подле Картли, но принадлежали не разуму, чувствам. – Наверное, мне стоит... – и замолчал, внезапно поняв, что жена императора не должна, не может знать ничего такого, о чем говорит сакарка, просто потому что ее обязанности сводятся к другому. Политика, даже если она касается бывшей ее страны, ныне изувеченной чужими сапогами, удел мужчин. Ее же забота – рождение и воспитание потомства, услаждение господина музыкой, сложением стихов и песен. Мать сгинувшего полубога, детей которого сейчас добивают в дальнем конце анфилады, была известной поэтессой. Тайна сия раскрылась лишь после ее преждевременной смерти. Сын не хотел хоть малейшей огласки, не выпускал, как казалось, рукописей из рук. Да вот только стихи его матери, подписанные затейливым псевдонимом Обора, переписывали во многих мастерских по стране, а затем, писанные, на бересте листы зачитывали, передавая из рук в руки. Абаим не читал, но слышал, что тонкая лиричная душа матери полубога находила свое истинное отражение в прекраснейшем из словесных искусств. Под псевдонимом ее душа нашла множество поклонников по всей империи.

Только похоронив мать, сын распорядился открыть тайну. Кажется, это было снова связано с политикой, ибо поэтессу Обору переводили на континентальные языки весьма охотно – а Островной империи требовалось имя, влияние, сотрудничество с державами, прежде всего, с великой Мангазеей, где поэтессе даже поставили часовню. Верно говорят, что мать императора даже после смерти послужила делам своего сына и отечества.

Не исключено, что Картли служит... служила императору куда больше, чем Абаим мог предположить, раз, до сих пор бездетная, оставалась жива. Может, тайные переговоры, что предстояло императору провести с послами, – ведь невозможно вести встречу с теми, кого вроде как не существует, кто представляет государство поглощенное, сгинувшее с карт, – в той или иной степени подготавливала она? Абаим снова впился в нее взглядом и снова не рискнул взглянуть в глаза. Удивительная женщина.

– Я дам тебе знать после встречи, как все прошло. – Кажется, она негромко выдохнула. Его предположения только подтверждались.

– Нужна ли моя помощь господину?

– Я дам знать. Прощай.

И, пересилив себя, покинул покои.

Первым, на кого он натолкнулся внизу, оказался Хандога. Воин лежал поверх двух детей императора, десяти и четырнадцати лет, с перерезанной кинжалом глоткой. Кровь еще пузырилась, медленно вытекая из раны, ведь сердце остановилось только что.

Глава 6

Конечно, новому господину немедленно все объяснили, тут же, над не остывшим еще трупом. Десятник позвал главного советника, тот предстал, будто по мановению волшебного жезла – при всем параде, даже полы халата не испачканы в крови. Цвиль не успел открыть рот, как появился астролог вместе с гадателем казначея. А следом и сам казначей прибыл. Абаим оглядывался, ожидая появления еще кого-то.... Но нет, более никто не появилось: теперь стали видны все участники заговора, основным действующим лицом коего стал начальник императорской стражи. Быть может, кроме главного кукловода, устроившего и провернувшего столь хитроумную затею. Видимо давно всё и все были готовы к осуществлению этого намерения, оставалось лишь найти человека, способного вонзить меч в тело монарха, но до последнего мига не понимающего своей роли в происходящем. Этим человеком и оказался Абаим – и кто знает, кто подтолкнул на самом деле его к посещению дома астролога, быть может, сам звездочет?

Абаим делал вид, что слушает, хотя понимал через слово сбивчивые, путанные объяснения. Мысли, слишком много мыслей – как и вчера вечером – теснились в голове. Кажется, эту ночь опять не спать, вот самая простецкая мыслишка, неожиданно затмившая все прочие. Он устал, замучился находиться в постоянном напряжении, ожидая новых, худших неожиданностей. Хотя, казалось, куда уж хуже? Его стража перебита слугами главного советника и астролога, вырезана под корень. В Тайном замке не осталось ни одного человека, связанного с начальником стражи. Месяц – слишком мало, чтобы успеть завести серьезные знакомства, а те, что имелись... Наверное, советник прав, когда говорил о Хандоге, как о преданном до мозга костей человеку императора, готового за него жизнь положить – и в итоге положившего. Вместе с остальными, попавшими под руку охранителями, мешавшими осуществлению исполинского замысла, и скорее всего, совершенно случайно вмешавшимися в него.

Что говорил советник: ах, да – про то, что стражи, подбиваемые Хандогой, поднялись против нового императора, восстали, почему и оказались в убиенном меньшинстве – вместе с евнухами и прислугой женской половины. Абаим на каждом из своих подчиненных насчитал не менее четырех ударов кинжалом – убивали не просто наверняка, но показательно, чтобы и слепому, и убогому стало очевидно, чего стоит новый господин, начальник стражи, нареченный заговорщиками императором. Воистину слепой и убогий, теперь один в Тайном дворце, ставшем для него ловушкой, в которую не просто сам забрался, но и еще и петлю на своей шее для удобства ловцов затянул.

Он молчал, подавленный. Глядел на собравшихся плотным кольцом вокруг него, убеждавших, улещивающих, успокаивающих. Но понял только одно: сейчас его убивать не станут. А может, и вовсе сохранят жизнь, ежели будет вести себя правильно. Ведь они... Что говорить, главный советник уже чувствовал себя хозяином, разъясняя Абаиму новые порядки, а вместе с тем, давал распоряжения своим людям. Слуги Цвиля мельтешили, встречая в редкие вопросы бывшего начальника стражи, этой самой стражи и всего прочего лишившегося, что-то уточняя, переспрашивая, влезая без повода, еще и еще раз ставя государя на отведенное тому место посаженного шута.

Позади что-то треснуло, ухнуло – ах, да, астролог ведь поджег храм. Сейчас он вспыхнул весь, разом. Вокруг столпилась охрана звездочета, с удовольствием разглядывающая пожар и неспешно переговаривающаяся меж собой. Кто-то держал еще в руках рукописи из библиотеки – астролог приказал вынести все самое ценное, а то, в чем ему не было нужды, уничтожить со всем тщанием. Артефакты, коими повелевал император, находились в руках слуг или самого почтенного Сабанея. А вот станет ли пользоваться ими их господин, тот еще вопрос. Ведь государей ныне, Абаим оглянулся, как самое малое, трое. Это если не считать Заварзу.

У Абаима сложилось впечатление, что и храм подожжен не случайно, ведь младший генерал в городе один, его войско осталось на кораблях, горящий храм, чей черный дым поднимается высоко в небеса, прекрасный знак для тех, кто находится за пределами города. Знак того, что все завершилось удачно. Войскам можно сходить на берег без боязни.

– Господин изволит принять послов? – поинтересовался советник. Абаим взглянул на него, не сразу поняв, о чем идет речь. Ах да, послы Сакара и Твело. Он покусал губы, затем медленно кивнул, мотнул головой. – Мне приказать распорядителю назначить новое время и разъяснить положение дел во дворце? Или господин прикажет держать дела Тайного замка до поры, до времени в неведении для прибывающих?

Он будто издевался. Как кошка, играющая с пойманным мышонком – то придавит, то отпустит.

– Держите в тайне, – наконец, обретя голос, распорядился Абаим. Цвыль немедленно склонился в полупоклоне – еще одна издевка: главный советник обязан стать на колени, получая приказ императора, пусть пока и не прошедшего интронизацию. Но раз признал, будь добр подчиняться правилам. Хотя что Цвыль замыслил сейчас... кто знает? Хотелось бы знать, дотерпят они до прибытия войск Заварзы или не выдержат и низложат избранного мышонка. Определенно, думалось Абаиму, ему надо поспешить и провести интронизацию в ближайшие два дня. Пока до столицы не дошла армия, пока армия уверена... так он хоть немного продержится на престоле. Да что продержится, хоть проживет еще чуть. Когда на шее петля, как-то особенно хочется жить.

Абаим снова принялся кусать губы, теперь уже не скрываясь. Все, даже казначей, теперь с интересом разглядывали свою новую игрушку, ожидая, что выкинет она в следующий миг. Надо отправить хотя бы нескольких, хоть одного отсюда. Разве только...

– Сабаней, как я понимаю, твои люди вынесли из храма....

– Обсерватории, мой господин. Так на языке нечестивых называется это строение, – нет даже капли покорства, ни в голосе, ни в жестах.

– Пусть так, вынесли только приборы и книги? Были ли там какие-то ценности, скажем, камни, золото, серебро? Быть может, прежний император хранил в храме часть сокровищ, которую твои люди любезно рассовали по карманам, не уведомив нас? – он выделил слово «нас», пожалуй, излишним нажимом, так что Сабаней растерянно оглянулся. И тут же встретился взглядом с советником. Мгновенное замешательство в рядах победителей – и что может быть хуже, на глазах у побежденного. – Мултан, я бы хотел, чтобы люди были обысканы, и добро изымалось в казну. Она и так пуста.

– Ты прав, государь, – казначей неожиданно принял его сторону, сверкнув глазами в направлении астролога. Сейчас не хватает ссоры в их стане, ох как не хватает – чтобы кошки отвлеклись от своей игрушки, дали ей передохнуть. Но Сабаней тут же понял, к чему ведет новый император, и немедленно поставил точку:

– Я дам распоряжение на обыск моих людей. Пусть люди Мултана...

– Ты пренебрегаешь моими слугами, почтенный...

– Но ведь речь идет о деньгах. Я не сомневаюсь, что в обсерватории находились камни и минералы, а также золото, но...

– Я бы хотел, чтобы мои люди..., – от Цвыля оказалось непросто избавиться. Почуввав подвох, он немедленно перешел в атаку. Кажется, понял, что Сабаней намерен и сам укрыть те самые демонические артефакты, что столь усердно скрывал от посторонних глаз император. Интересно, как ими сможет распорядиться компания заговорщиков? Они уже все решили по поводу владения или даже решив, поглядывали друг на дружку с нескрываемым подозрением – вот как сейчас Цвыль на Сабанея.

– Да-да, почтенный Цвыль, я распоряжусь. Каждый будет обыскивать каждого. По кругу, – издевки никто не услышал, кроме самого звездочета да напрягшего уши Абаима.

Советник немедленно вышел из дворца, зашагав в сторону площади и даже не обернувшись на Абаима, не попросив его разрешения удалиться. Меж тем, труп умершего императора по-прежнему находился на том самом месте, где полубог исторг в небо последний вздох.

– Где палач? – Абаим вздохнул с некоторым облегчением даже. Хоть какой-то просвет. У него появилась возможность дожить до завтра. Когда тот подошел, склонился на колено, повелитель, немного успокоившись, произнес: – Я хочу, чтобы ты нашел хранителя имперской души, и пусть он займется проводами. Можешь идти.

Палач оказался единственным, кто хоть следовал положенным правилам. Впрочем, чему Абаим так возрадовался, коленопреклонению человека, занимавшего едва ли не самое низшее положение среди жителей Тайного замка? Но среди прежних неудач это можно назвать пускай небольшим, а все-таки успехом. Не надо забивать голову проигрышами, сколько раз ему твердил Кулай, надо переспать с бедой и прогнать ее из дому. Жаль только, времени переспать у него не оказалось.

Нет, надо сосредоточиться на теперешнем положении. Абаим встряхнулся, повелев оставить его одного и еще раз приказав не трогать Картли десятникам всех трех заговорщиков, шерудившим на женской половине дворца. Больше того, приказал охранять как зеницу ока. По крайней мере, так и у нее появится возможность дотянуть до завтра. А завтра... завтра будет завтра. Если только почтенные не отзовут стражу. Или не дадут иного приказа. Да нет, вряд ли... ведь и смертникам положено перед казнью хоть какое-то развлечение. Плотный ужин, сон до полудня... Абаим вздохнул тяжело. Дожать этот день и перебраться в следующий – вот его основная задача. И он обязан ее выполнить. Ради себя и той, что ждет его на третьем этаже. Он очень надеется, что ждет. Ведь у нее тоже никого не осталось теперь.

Голова гудела, Абаим хотел отправиться в собственные покои, да вспомнил вовремя, что теперь ему туда соваться не следует, а потому побрел прочь из дворца в палаты императора. Ему нужно время, чтобы собраться с мыслями, перевести дух, немного прийти в себя. Первую атаку он отбил и по-прежнему жив. Вероятно, будет жить до самого прибытия войск Заварзы, то есть двое, в лучшем случае, трое суток. А может быть... но нет, лучше это «может» держать глубоко при себе.

По дороге его встретил держатель ключей, проще, дворецкий императорских покоев, объяснил порядок – сейчас в личные покои скончавшегося ему никак нельзя, до интронизации Абаиму вообще делать нечего в этом здании, если он хочет соблюсти обычаи предков. Однако, тот плюнул на обычаи и прошел, отпихнув старика с дороги. Не до него сейчас, выбрать бы укромный уголок и... Старик упрямо тащился следом, будто привязанный, увещевая; напрасный труд, Абаим не желал его слушать.

– Это останется на твоей душе, господин мой, – возопил старик. Абаим повернулся, хотел высказаться по поводу души, да сил не осталось никаких. Не стал спорить еще и с ним по такому пустячному поводу.

– Где я могу остановиться сейчас?

– Только в доме приемов. Это будет лучшим решением для твоего будущего величества, да продлятся дни нового государя на сотни лет вперед.

Внезапно Абаим осознал, насколько прав держатель ключей. Во дворце императора его могли встречать, могли в любой момент прийти, могли сделать, что угодно. Он же, не имея ни власти, ни сил, не мог и ответить ничем, а вот позабытый всеми в спешке дом приемов, никем из новой стражи не охраняемый и имеющий проход прочь из Тайного замка до самого дворца Тысячи ночей... да, это лучший выбор из возможных. И так кстати посоветованный.

– Позови гонца, и пусть соберет первых сотников городских дружин. Пусть они придут к Невестиной башне, я оглашу им свою волю. И еще. Нет, пусть придут тайным ходом, я встречу их там. Ты понял меня, старик?

Держатель ключей молча кивнул, не посмея даже удивиться.

– Теперь последнее. Мне нужна комната с выходом в подземный ход из Тайного замка, покажи ее. И возвращайся через четыре часа. У меня важная встреча.

Его провели в дом приемов – маленький дворец, скорее, зажиточный дом, неведомо каким образом оказавшийся посреди Тайного замка, простой и безыскусный как снаружи, так и внутри. Абаим рассчитывал посидеть один, в тишине и спокойствии, но едва дверь закрылась, обессиленный лег на кровать, а спустя мгновение понял, что засыпает. И увидел сон.

И снова знакомый человек предстал перед ним. Кажется, именно появление почтенного Сабанея в небольшой опочивальне, окончательно убедило Абаима в бессознательном своем состоянии. Право же, как звездочет, ныне спешно пересчитывающий сокровища храма и пытающийся не отдать все самое ценное другим заговорщикам, мог оказаться здесь, да еще в домашнем наряде – скромном шелковом халате темно-синего цвета и ночном колпаке, – присесть на низкий диванчик перед Абаимом, (сам повелитель оказался вдруг в кресле напротив кровати под неброским балдахином, расшитым львами и горгульями), и вести новые беседы.

Этот явленный сном Сабаней оказался сильно недоволен своим собеседником – попрекал его, качал головой, разводил руками и вздымал их к небу, напоминал о чем-то или ком-то, а затем, поняв, что слова мало что скажут Абаиму, вздохнул тяжело и велел пройти коридором забвения. К удивлению избранника коридор сей оказался ровно перенесенным из дома терпимости и в точности так же наполнен водой. Ничему не удивляясь, Абаим доплыл до двери, глубоко вздохнул, пытаясь воссоздать разговор, тогда у него еще получалось что-то помнить, но стоило только отворить дубовую дверцу и начать подниматься...

– Господин, прошу, очнись, господин. Прибыл гонец, – Абаим с трудом сел на кровати, удивляясь сразу двум вещам: и что заснул, и что проспал столько... да три часа целых. Высотой почти в четыре локтя напольные часы в комнатке, работающие не то магически, не то механически (привычного тиканья слышно не было), указывали наступление пятого часа пополудни.

Абаим рывком поднялся и помотал головой, точно застоявшийся конь. Хранитель ключей все еще держался за его плечо, но исключительно потому, что повелитель слишком быстро встал, едва не опрокинув старика навзничь.

– Гонец? – он вспомнил. Разом все: и свое приказание, и сон, выплывший из глубин памяти точно разбухшая деревяшка из озерных вод. – Где он, исполнил ли приказ?

– Он в приемной ожидает тебя, господин. Позволь, я провожу.

– Я сам, – Абаим поспешил на выход, но немедля запутался в дверях, так что хранитель ключей успел подойти прежде, чем новоявленный император поставит себя в неловкое положение еще раз. Открыв нужную дверь, он успел произнести: «Идет государь», – прежде чем Абаим выскочил в приемную. Гонец заблаговременно повалился на колени, прижавшись худым жилистым телом к дорогим коврам.

Подняв голову, посыльный поспешил доложить, что тысячник прибыл в место, указанное государем, и привел с собой всех сотников, кроме одного. Тот болен и не может подняться, какую казнь ему определит господин? Абаим покачал головой, на лице нарочного явно прочиталось расстройство подобной мягкостью. Впрочем, все можно списать на беспокойный день. Приказав гонцу подняться, Абаим отправил того к послам, поджидавшим его высочество во дворце Тысячи ночей. Когда посыльный выбежал из дома приемов, Абаиму подумалось, а не привести ли тайным ходом послов сюда, но мысль, мелькнув в голове, немедля исчезла – лучше не надо никому знать про убежище нового полуимператора.

Старик указал на дверь, ведущую в тайный ход. Всего подобных ходов из замка насчитывалось девять – настоящий лабиринт, проложенный под всеми строениями твердыни, правда, большей частью давно не использовавшихся. Только два основных хода: под Арсенальной башней до дворца Тысячи ночей, и до здания Совета тайных дел, сохранились в сносном состоянии, хотя первый и серьезно пострадал неделю назад, во время восстания нганасанов. Укрепительные работы еще не закончились, Абаим пробирался мимо только поставленных балок,

откуда, во избежание встречи с императором, были изгнаны на поверхность все рабочие, разбивавшие ходы под присмотром мага, затем дарующего всем им забвение и щедрую оплату за услуги и вынужденное молчание. Наконец, точно под Невестиной башней, узрел своих старых знакомых, медленно, точно в забытии начавших опускаться на колени.

– Верные мои соратники, – начал Абаим и замолчал на полуслове. Как просить у них, что сказать им? Заготовленные слова теперь казались лишними. Новое положение обязывало к чему-то другому, к повелениям и приказам, но уж никак не к той беседе, которую бывший всего-то месяц назад сотником заготовил и пытался сейчас произнести. Хвала небесам, боги заткнули его несносный язык раньше, чем он догадался довести речь до конца.

Он откашлялся и начал сызнава.

– Вы славно трудились на благо города и мое благо что в былые времена, что в битве с восставшими. Теперь я хочу, чтоб вы служили мне лично, став моей стражей. Жебрак, тебя я назначаю начальником императорской стражи, тебя, Ратай, его первым заместителем, – бывший прежде тысячником и ставший недавно сотником его старые друзья немедленно подняли головы, а затем склонились еще ниже. – Замену себе на прежних должностях подберете завтра, сегодня вы нужны мне все. Ратай, мне требуются еще люди, всего две дюжины. Самых надежных, что ты знаешь, – он чуть было не добавил «верный мой соратник», едва успел спохватиться.

– Я наберу, господин, – Абаим только успел сказать: «ступай», как тот растворился во мраке хода. Император вздохнул с некоторым облегчением, задача личной безопасности на первое время решена. Но тут голос поднял старый Жебрак.

– Прости меня, господин, за дерзость, но столичные дела требуют моего присмотра, к тому же ты сейчас обезглавил, пускай и на краткое время, дружину. Если позволишь, я найду замену, а ты, государь, найди тогда замену мне, – и склонился, ожидая ответа на подобную дерзость. Абаим нахмурился, но смолчал и произнес только:

– Будь по-твоему, оставайся в городе, – хотя опыт Жебрака ему бы очень не помешал, но ему пока есть на кого положиться. – Вместо тебя командовать отрядом моей защиты станет Говёнда, – тот послушно склонился, оружие звякнуло о камень. – Теперь ступайте за мной.

Жебрак исчез так же неприметно, как и Ратай. Едва видным в темноте ответвлением от главного хода они прошли к оружейной. Абаим приказал сотникам переодеться и взять столько оружия и доспехов, сколько могут унести, после чего провел их в дом приемов, где повелел занять позиции, не пускать никого, кроме хранителя ключей, и ждать возвращения государя. Взяв троих с собой в качестве не столько телохранителей, сколько почетного и внушающего уважение к новому правителю сопровождения, он отправился на встречу с послами. На полдороге Абаим развернулся.

– Мне нужна Картли, – просто произнес он.

Глава 7

Переговоры прошли скоро, но не споро. Император, ссутулившись с непривычки, сел на почетное ложе, не зная, как лучше устроиться перед самозваными представителями захваченных земель, а Картли и двое послов, – странно, остров Твело представляла женщина, – опустили на ковры, и с колен принялись говорить.

Поначалу это был монолог. Не имея чести знать новоявленного императора, и почему-то считая переворот не то дешевым ловкачеством убиенного полубога, не то интригой приближенных, которая должна вот-вот завершиться, послы принялись поначалу за рассказ о внутреннем устройстве Сакара и Твело, затем, поговорили об угнетателях. Говорили разом, иногда мешая друг другу, смолкая и вновь начиная разговор, – до тех пор, покуда Картли не прикрикнула на них, одной фразой втолковав непонятливым: кажется, говорила она о своем участии, фраза «я жива», услышанная и вроде правильно понятая Абаимом, повторилась в ее устах дважды. Засим последовала тишина, перешептывания и новый рассказ. Совсем о другом.

Похоже, между убиенным полубогом и самопровозглашенными послами намечалась сделка, теперь незаметно выросшая в сговор. Или предложение помочь в удержании власти, как ее преподносили сами послы новому государю. Все дело в том, что остров Сакар месяц назад поднял восстание против Мангазеи, и туземный народ довольно успешно оборонялся от войск захватчиков. На Твело обстановка выходила чуть хуже: корпус там держался, пускай и только на территории собственного лагеря, но выбить пятитысячную армию с острова сакарцам никак пока не удавалось. Впрочем, корпусу перерезали доступ к воде, выбраться из лагеря, оказавшегося ловушкой, он вряд ли бы смог без подкрепления. А новые войска не спешили появляться, правитель, некогда при помощи Островной империи захвативший эти два острова, и сам едва держался на престоле. Но дело было не только в шатающемся троне, а еще в старшем генерале Истефе, том самом, что со своим воинством перешел на сторону врага и удерживал сейчас крепость и порт Чамалин. Послы говорили и от его лица, через мятежного генерала пытаясь выискать пути к безопасному освобождению и признанию своих земель свободными от прежних владельцев, а лучше и безопасней – перешедшими под влияние Островной империи. За это они желали передать в руки прежнего государя самого генерала Истефа, либо только его голову, как императору будет угодно.

Как выяснилось, послы имели на него старшего генерала не просто влияние, с их помощью, как выяснилось, Истеф сумел и перейти на сторону врага, и получить помощь чамалинцев, составивших костяк его новой армии, и успешно выбить из города-крепости остатки имперских войск. Больше того, исключительно советами прибывших послов, вернее, представительницы Твело, обладавшей искусной магией, особенно в деле ведения переговоров, Истеф и решился на столь дерзкий и отчаянный шаг. Теперь же ею предлагалось, что мятежник подержит нового императора. Ибо тот всегда желал смерти убитому Абаимом полубогу, собственноручно и восстание устроил по этой причине.

Вот теперь, в сбивчивом и непонятном на первый взгляд рассказе стал проявляться новый подтекст. Оказывается, и события на Чамалине, видимо, не без помощи волшебницы с Твело, оказались связаны с заговором против государя. Возможно, именно они послужили основой всех последующих событий, Абаим решился даже предположить, что сама чародейка подтолкнула не слишком решительную троицу заговорщиков действовать быстрее и поспешить с выбором куклы для назначения оной новым самодержцем.

Интересно, что же она наплела такого самому старшему генералу? Абаим помнил его весьма осторожным во взглядах, пусть и тщеславным, но еще и умелым полководцем. Быть может, она просто одурманила Истефа, почуяв выгоду от любой сделки? Ведь тогда посол станет правителем острова, пусть и вассальным на словах, но не на деле.

Впрочем, сама искусница собиралась отправляться первым же судном до Чамалина, едва лишь будет проведен обряд восшествия на престол нового императора, конечно. Ходу до места всего четыре дня, если повезет с ветром, хотя трудно поверить, чтобы ей и не повезло. В Чамалине она постарается объяснить обстановку и прельстить новыми возможностями, объяснит изменнику, что старший генерал не просто останется таковым, но получит больше. Истеф станет главным военным советником самое малое, и право стоять в присутствии первого лица, и еще много того, до чего охоч чванливый перебежчик. Ламза с радостью возьмется за это дело, стоит только господину дать на то согласие. И если господин доживет до своей интронизации, понималось между строк.

Волшебница с Твело замолчала и выразительно глянула на Абаима. Затем перевела взгляд на Картли. Та помалкивала, опустив голову послушно, как и положено, ожидая слов государя.

– Зачем Чамалину поддерживать меня? – помедлив, спросил Абаим, желая одним вопросом узнать и про непокорные острова, и про мятежный клочок континентальной земли.

– Чамалинцам тоже нужен Тис, – просто ответила Ламза.

– Он нужен многим. Мангазее, Юраке. И вам, как я посмотрю. – Она кивнула, но спохватившись, утвердила ответ словом:

– Этот остров некогда принадлежал нашему народу. Мы изгнаны с Тиса, но он до сих пор почитается и нашей частью, и, больше того, неотторжимой частицей сердца каждого жителя Сакара и Твело. И пусть храмы разрушены юракским наместником, капища уничтожены, а на месте священных прудов теперь болота, но гору Агри, суть, мост между миром небесным и подземным, даже дикари осквернить не посмели. Переименовали в Чияя, но что значит имя? Священная гора остается горой, как ее ни назови.

– И только это?

– Наши тайные капища, как докладывают нам лазутчики наши, все еще остаются в неприкосновенности – те, что расположены в самых недрах великой Агри.

– Выходит, мне все равно придется штурмовать Тис.

– Господин вправе поступать, как ему вздумается, и творить дела по собственному разумению, – спокойно ответствовала Ламза, глядя ему прямо в глаза. Абаим с превеликим трудом выдержал ее взгляд, внутри него что-то загорелось и потухло за эти долгие мгновения.

И снова тишина. Посол Сакара покорно отступил, отполз подальше, пока говорила представительница Твело. Видно и он являлся лишь мелкой монеткой среди серебряных и золотых кругляшей, распоряжавшихся сейчас жизнью нового государя. Абаим поднялся и под мягкий стук лбов о ковры, велел ждать, вытащил Картли в соседнюю совещательную комнату, закрываемую на две следующие одна за другой двери, обитые кошмой.

Разговор она начала первой.

– Господин мой, напрасно ты так поступил, – Абаим нервно обернулся, но женщина, торопливо ткнувшись головой в ковер, продолжила: – Досточтимая Ламза очень сильная ведунья, ей не составит труда в твое отсутствие, даже самое краткое, понять, что на самом деле происходит при дворе.

– Точно она еще не поняла этого, – Абаим устало присел на ковер рядом с ней. – Я вижу, ты хорошо знаешь ее.

– Да, мой господин. Досточтимая была моей наставницей в былые годы, она же увезла меня с Тиса в свое время, когда юракский царь Кохин Кривой захватил власть на острове, а затем, вступив в переговоры с Мангазеей, окончательно изгнал сакарцев, главных ее недругов. Это случилось, когда я уже служила помощницей жрицы Храма под горой, а она..., – и тут же замолчала резко, до белизны, сжала губы. Не то боясь проговориться, не то опасаясь волны воспоминаний.

– Тогда скажи мне, помощница, чего им на самом деле надо на острове? Кроме храма, – но Картли лишь покачала головой.

– Господин мой, уверяю тебя, помыслы их мне не известны.

– Но они хотят взять тебя у меня.

– И, тем не менее, уверяю тебя, господин мой... – иного ответа от нее он не добился, как ни упорствовал. А затем спросил:

– Чего от тебя хотел прежний император на Тисе? Твой муж? – она вздрогнула, как от удара. Сжалась. И снова не смогла ответить. Так, ничего не добившись, Абаим вернулся в зал, воссел на неудобном ложе и поинтересовался, каким залогом будет обладать он в случае согласия. Ламза не задумалась ни на миг.

– Досточтимый супруг мой, правитель Сакара в изгнании, – кивок в сторону согбенного посла, – останется здесь, во дворце Тысячи ночей, в качестве заложника, – Абаиму показалось мало, тогда она согласилась оставить и свою дочь, молодую девушку, которую уже начала обучать мастерству чародейства, и которая согласится остаться под стражей, если таковым станет условие господина.

О дочери он слышал впервые, оглянулся на Картли, та кивнула в ответ – да, знает. Когда вошла девушка, тонкая как стебелек и хрупкая, словно стекло, его избранница кивнула вторично: все верно, она. Не то Ламза действительно поставила на карту многое, не то.... Нет, сейчас не выяснить все одно.

Абаим оглядел дочь чародейки, распорядился отвести ей покои и кликнул десятника, повелев привести как можно больше людей, дабы не смущать и не беспокоить оставшихся во дворце заложников. Ламза невольно улыбнулась странным словам, слетевшим с уст, но ничего не сказала. Абаим поинтересовался, где она проведет время до интронизации.

– Если господин позволит, вместе с семьей, – кратко ответила госпожа посол. Абаим пожал плечами и, поднявшись, дал ведунье свое слово, тем самым, подписавшись подо всеми обязанностями. Едва оторвав лоб от ковра, она мелко кивнула в знак признательности. Кажется, на лице появилась улыбка, или только показалось государю, Абаим не стал выяснять, достаточно того, что он уже понял. Подхватив Картли, он покинул дворец, вернувшись к своему новому месту проживания. Приказал только слугам обо всех, приходящих к послам, докладывать ему немедленно.

Охрана к этому времени заметно увеличилась, посланный за людьми Ратай вернулся с куда большим числом стражей, чем изначально желал собрать: всего в распоряжении императора оказались тридцать два человека, и каких человека! Сотник все указания понял с полуслова: выяснилось, что вскоре после отбытия Абаима в дом приемов стали ломиться люди астролога. Двое убитых и несколько раненых заставили их отвести свои взоры от новых покоев нового императора.

– Трупы мы сохранили для вас, господин, можете осмотреть. – Да, люди астролога, только хорошо вооруженные, не то что днем. Абаим нервно дернул щекой, промолчав – от заговорщиков всего можно ожидать. Напрасно он решил, что те хоть немного притихнут. По крайней мере, новая охрана немного утихомирит их нападки – и то на время. А завтра встреча с Советом, новый, пусть и словесный, бой, новые проблемы....

Он приказал подать ужин да поплотнее. Чувство внутренней опустошенности сменило засевший в груди страх. Нет, он никуда не ушел, просто на сегодня господин устал бояться. От всего устал. К концу ужина, когда прибыл гонец с донесением о тайном визите Цвьяла во дворец Тысячи ночей, Абаим только утомленно кивнул и протянул чашу горького неразбавленного вина принесшему дурную весть. Никаких казней, сейчас каждый человек на счету, и пусть враги считают его слабовольным, сабли в руках сторонников важнее небрежения правилами приличия.

После ужина Картли попросилась назад, в свои покои, если конечно... Наверное, рассчитывала, что размякший Абаим не откажет ей, но тот отказал. Он нуждался в Картли, и не только как в женщине, но как в союзнице, к которой он пришел первый раз за помощью, и которая дала ему самую надежду, ту первую, в которой он больше всего нуждался – и тогда, и теперь. Наверное, теперь даже больше.

– Ты останешься здесь. Я не могу отпустить тебя, – произнес император. И тихо добавил: – Прости.

Она молча опустила взгляд. Абаим присел рядом, обнял ее, стаскивая халат. Она не сопротивлялась, но и не помогала, разрешая делать с собой все, как с дорогой его сердцу игрушкой, рассчитывая, что хоть этим проймет... Не проняла, он получил все, что хотел, как мужчина, и, продолжая стискивать в объятиях, замер, чувствуя легкое дыхание женщины на своем плече. Она не пыталась отстраниться, уже не пыталась. Это немного успокоило Абаима. А черный сон без сновидений заставил забыть и об этом.

Глава 8

Ночь прошла без происшествий, Картли, на его счастье, никуда не ушла. А хмурым, дождливым, по-настоящему осенним утром Абаим отправился на Совет. На заре, когда он спал, приходили двое от почтенного Сабанея, просили выдать тела погибших для погребения, Говенда благоразумно отказал. Хорошо что до новой стычки дело не дошло, пришедшие молча удалились, не решив беспокоить императора резней под окнами. Говенда бы и вовсе промолчал об этом происшествии, кабы Абаим сам не спросил как прошла ночь.

– Разузнай, кого именно вы порешили, – дал распоряжение он. – Убитые могут что-то особое значить для Сабанея, или хотя бы один из них. Трупы обыскивали?

– Господин! – несколько укоризненно даже прошептал Говенда, но немедля осекся под потяжелевшим взглядом Абаима. И, отправившись в ледник, лично занялся осмотром. Через четверть часа от силы поднялся, сжимая в руке медальоны убитых с именами и степенями магической и знахарской восприимчивости.

– Имена ничего тебе не говорят? – Говенда покачал головой. – Жаль. Но все равно, может что и проявится. Ты сегодня пойдешь со мной, Ратай останется за старшего. Оружия совсем немного, в присутствие идем.

– Я понимаю, господин, – произнес Говенда и снова осекся.

Дворец Советов, холодный тяжеловесный прямоугольник в два этажа, располагался особняком в Тайном замке. Построенный отцом убиенного полубога, он занимал пространство бывшего ринга между Лебединой и Звездочетной башнями, странное коробчатое сооружение, без всякого внешнего изыска, будто в противовес находящимся рядом строениям: храму Диких лебедей и дому главного советника. Абаим впервые пересекал порог здания, и, едва войдя, замер, удивляясь, сколь велика разница меж внутренним и внешним убранством. Светильники, восполнявшие недостаток дневного света, потерявшегося в хмуром утре, сияли с высоты в десяток локтей, свешиваясь с уходящего еще на добрых пять локтей потолка, или просто свободно парили в воздухе подле входов в галереи, залы и на лестнице, ведущей на второй этаж, поддерживаемые не то силой волшебства, не то магнетизма, что, по сути, конечно, одно и то же, но лишь по-разному выражаемое. Потолок мастерски расписан безвестным художником, изобразившим в золотых плафонах то горные выси, то звездные дали, то башни Тайного замка – казалось, это оконца, куда можно заглянуть и узреть диковины со всей Островной империи. Стены же украшали гобелены, прославлявшие видных мужей государства их побед над врагами отечества, подавления мятежей и прославления собственного величия.

Заглядевшись, Абаим не заметил, как к нему и сопровождавшей его страже подошел магистр Совета Кйлен, представлявший прежнего императора в случаях, когда тот не являлся на заседания (в последние годы это стало почти традицией), и разрешавший споры по ведению собраний. После смерти полубога положение магистра в Совете многократно возросло. Абаиму уже не терпелось переговорить с ним с глазу на глаз, а также с советником тайных дел Кбпорем и еще одним советником – порядка в империи Грибунóm. Чью сторону заняли эти люди, представлявшие собой величие, мощь и покой государства – или еще выжидают, гадая, чем и как закончится мятеж?

Но поговорить не случилось. Прежде, чем Кйлен поклонился императору, – только в здании дворца Советов разрешалось не падать ниц перед государем, – к Абаиму сразу же подошел Цвиль, выразил почтение самодержцу и прошествовал вслед за Кйленом до императорской ложи, находящейся на балконе зала. По обеим сторонам от нее находились ложи наследников, ниже располагались ряды помощников советников, а весь центр зала отводился под Совет. Прямо перед ложей императора находилось возвышение для выступлений, а за ней – Длинный

стол, занимаемый магистром, первым советником и доводчиком Совета, следившим за порядком в зале, да еще гадалем собраний и ведуном происходящего за стенами дворца.

Все были в сборе. Абаим прошел и сел, шум тотчас затих. Император невольно поежился – весь зал смотрел на него неотрывно. Абаим спохватился, ведь здесь даже в присутствии императора разрешалось сидеть, пусть и коленопреклоненно. Немного помедлив, он кивнул, стараясь, чтобы этот знак был воспринят с должным уважением.

– Император разрешает собрание, – возвестил магистр, кланяясь Абаиму и, не садясь, продолжил. Вначале зачитал довольно странное объяснение касательно внезапной смены главы государства, ничего толком не говорящее, но, видимо, готовящееся для народа, а не для собравшихся, знавших, по выражению лиц, все или почти все о перевороте. Это лишь простецы ни о чем пока не знают, догадываются, конечно – дым от сожженной обсерватории виден на полсотни миль окрест. Но должно же, наконец, появиться объяснение из самого Тайного замка, устраивающее не только власть предержащих, но и подданных, чтобы не устроили бузу, как три века назад.

Тогда столицу охватило крупнейшее за всю ее историю восстание, приведшее не только к очередной смене власти, но и к установлению нынешнего вида правления – империи. Прежде островами владел Сенат, избиравший из своих рядов будущего государя. Но такой порядок один раз не устроил чернь, когда власти последовательно отвергали одного, другого, третьего претендента и не смогли, вернее, не успели договориться по четвертому. По прошествии полтора лет безвластия народ перестал ждать и решил взять власть в свои неслабые руки: следующим правителем, уже со званием полубога, стал кожемяка из состава тех, кто возглавил долго поджидаемый народом мятеж – и восторженно воспринятый. Недаром же кожемяка правил до самого естественного конца, что всегда было редкостью в Тайгии, и оставил наследника, который тоже прожил долгую жизнь, а вот его уже сын оказался тем тираном, которого уничтожил дед ныне покойного полубога.

Никто из ныне находящихся в зале не хотел подобного развития событий, равно как и не желал ждать разрешения возможных споров меж заговорщиками. Ведь именно это и подтолкнуло чернь на восстание: среди простецов кто-то стал распространять зловерный слухок, будто истинного государя повесили, и вместо него будет править не то его жена, не то сестра – искра недовольства охватила столицу одномоментно. Ясно, что у женщин прав куда меньше, чем у новорожденных, но чуть больше, чем у рабов. Терпеть на престоле чью-то жену, а тем паче, полюбовницу, не представлялось мыслимым. Даже сейчас, когда женщины получили права на наследование имущества, узреть на престоле императрицу, да пусть даже регентшу при юном правителе, все равно нестерпимо. А значит, это стало бы смертным приговором для вынесших подобное решение.

Магистр пока обращался к Абаиму как к новому владыке, то есть, главе государства, но пока еще не как к высшему существу, полубогу. Обращение «ваше величество» по-прежнему оставалось для монарха желанной мечтой. Прав распускать Совет у него пока не имелось, хотя любые перестановки он мог совершать, и, конечно же, любые распоряжения вносить для подтверждения членами Совета. Не мог встречаться с главами других государств, но пока такой надобности и не намечалось. И да, самое важное, не имел права заходить в храм Диких лебедей и библиотеку, не мог быть запечатленным на гравюре, холсте или росписи любых покоев Тайного дворца.

Закончив речь обычным обращением к милости императора, магистр поклонился государю, ожидая ответной речи. Зал обернулся к Абаиму, вновь воцарилась ватная тишь. Новоиспеченный властитель прекрасно понимал, что нынешние его указания пока не имеют нужной силы, однако, возможность для ухищрений имелась. Ведь пока неясным оставалось и для него и для некоторых советников окончательное распределение сил в Совете: кто поддерживает заговорщиков, кто вообще не в курсе происшедшего, но готов согласиться с новыми поряд-

ками, кто воспротивится им. У каждого из членов Совета есть свой гадатель, еще вчера вечером или сегодня утром раскинувший кости или карты на столе и предположивший возможное развитие событий. А потому многие выжидали удобного для них развития событий, Абаим, перехватывающий взгляды собравшихся, понимал это как никто другой.

Впрочем, был надежный гадатель и у покойного императора, дававший ему верные и нужные советы, да вот только предал весьма изощренным образом.

– Первый вопрос.... Первое распоряжение таково... – Не прошло и суток с момента воцарения, как начальник стражи действительно почувствовал себя всемогущим правителем. Уже в то время, когда Абаим шел во дворец Советов, ему казалось, земля прогибается под тяжестью его сапог. И вот только сейчас, на какое-то время, растерялся перед массой влиятельных лиц. Он одернул себя, нежданно вспомнив седовласого Кулая, учившего не тушеваться ни перед врагом, ни перед начальством. Не только нахрапом можно добиться победы, особенно в делах стратегии, важно уметь слушать, слышать, и чувствовать мысль, разлитую по полотну событий.

Неожиданно старик Кулай, погибший при штурме столицы Готии, припомнился ему, как живой. Абаим словно почувствовал наставника, протянувшего ему руку помощи через реку смерти. И продолжил обтекаемо:

– Приказываю распорядителю провести похороны прежнего императора сегодня же, без почестей, но с ритуалами, согласующимися с речью магистра. – он плохо понял, что именно сказал магистр о причинах смены власти и смерти правителя, а потому и произнес столь расплывчато. Так что и сам плохо понял, что сказал.

Однако ему согласно кивнули, словно этого именно от монарха и ожидали. Магистр благодарно встал и опустилсЯ снова, распорядитель неловко поднялся и, пятясь, вышел из зала – пребывание здесь для него редкость, выпадаемая раз или два в год. Впрочем, подобные собрания вообще проводятся, в лучшем случае, раз в месяц. Обычно Совет собирается в зале Размышлений, что на первом этаже, а чаще – в библиотеке – там и законы и их толкователи под рукой, и можно спокойно посидеть за чашкой белого чая, поразмыслить, ни перед кем не вытягиваясь в струнку и не преклоняясь.

– Теперь об интронизации, – магистр поперхнулся, едва не подавившись словами о необходимости поначалу соблюсти ритуал погребения вознесшегося в чертоги Дьеля. Зал немедля зашуршал в поддержку заговорщика. Абаим понял, что продавить этот вопрос так просто ему не дадут, а потому снова свернул на сторону. Сейчас он чувствовал себя пластуном, пробирающимся в лагерь неприятеля, готовым к обнаружению раньше, чем доползет до провиантского склада и потравит его. Счастье, что Кулай, пусть до него никогда не доберутся волки Катамаи, обучил его не просто грамоте, но и умению связно излагать мысли, и, вслушиваясь в мысли других, излагать их так, чтобы те думали, будто он выразил их чаяния. Хорошему пластуноу все важно уметь. А старик Кулай считал своего ученика добрым разведчиком.

– Есть две причины, по которым мое восшествие на престол надлежит провести как можно быстрее. Первое: сложная обстановка вокруг Тиса, где расквартировались только что прибывшие войска Мангазеи, – они явно не позволят нам вернуться на остров. Астролога у меня прежде не было, а воспользоваться услугами Сабанея не позволяют правила. – Почтенный звездочет хотел что-то пискнуть, но Абаим продолжил: – Отсюда вытекает вторая причина: неразбериха после смерти властителя. Некоторые из советников привели сюда своих людей. Я не говорю о законности или незаконности подобного, понятно, что все действие проходило в попытке не дать случиться непредвиденному. Но вооруженным людям следует уйти немедля. В Тайном замке есть своя стража, созданная заново мной еще вчера. Но поскольку люди почтенного Сабанея не были в курсе подобного, – тот стремительно закивал, – они попытались взять штурмом дом приемов, в коем я до настоящего времени проживал. Это больше не должно повториться.

Совет не медлил с решением, проголосовали единогласно. Абаим вздохнул с некоторым облегчением. Жест, ничего не значащий для заговорщиков, поджидавших войска Заварзы, ему давал небольшое жизненное пространство. За которое он уцепился, не раздумывая.

– Теперь о самом Сабане. Почтенный, безусловно, допустил промашку, не сумев предвидеть смерти своего господина, но поскольку я не могу его осудить сейчас – это не в моей власти – я вывожу его из состава Совета до особого распоряжения. Исполнять обязанности моего астролога не может пока никто, кроме гадателя жреца Дъеля, именно он и будет моим звездочетом. – Верховного священника Абаим ни на Совете, ни прежде нигде не видел, отсюда сделал вывод – к заговору тот ни малейшего касательства не имеет. Конечно, мог ошибаться, и очень серьезно, особенно, если жрец оказался бы кукловодом нынешних бунтовщиков. Но и без того сложный сговор по свержению государя оказывался невозможно хитроумным; вряд ли такое мыслимо, – разве что в древних летописях о делах давно сгинувших за рекой смерти государей.

К верховному священнику немедленно послали одного из стражей. Сабанея в его попытке усидеть на прежнем месте никто не поддержал. Больше того, главный советник осмелился напомнить об имуществе сожженной обсерватории. Невольно государь усмехнулся: один миг – и дележ власти продолжился. Присмотревшись пристальней к присутствовавшим, Абаим определил хранить сокровища обсерватории в казне. Мултан победно вскинул голову, Цвиль куснул губу – заговор начинал обращаться против поднявших головы. Впрочем, следующий шаг императора заставил заговорщиков замереть в изумлении:

– За заслуги перед отечеством и проявленное мужество и решительность я назначаю почетным генералом младшего генерала Заварзу. Распоряжения он получит после интронизации, – после чего император заметил, что вечером хотел бы видеть в доме приемов главного советника, казначея, почетного генерала, верховного священника и магистра. Цвиль поклонился, кажется, и выразил свое полное согласие как с местом встречи, так и со всеми словами, что выскажет господин о своем воцарении. Кажется, сделал он это вполне искренне.

Короткий, как и полагалось, обряд сожжения убитого императора завершился торжественным плачем, салютом и грохотом барабанов и возвышенными стенаниями горнов. Плакальщики окончили свою скорбную песнь и разошлись медленно, величаво, едва последний дымок растворился в воздухе. Затем прах императора упокоили в урне и замуровали в стене храма Диких лебедей, вместе со всеми знаками его рода, необходимыми для встречи с солнечным богом Дъелем, каждую ночь проплывающим по реке мертвых, где он, наконец, подберет убитого и отвезет на небо – к императорской звезде, отмеченной на картах во времена оны, когда он только вступал в свою новую сущность полубога.

И когда император упокоился по ту сторону небесной тверди, в дом приемов пришли все вызванные новым монархом люди. Они немедленно утвердили на завтрашний полдень обряд восшествия на престол, вхождение в небесный чертог нового полубога, прежде носившего имя Абаим. Верховный священник позволил себе высказать суждение, что отныне новое имя самодержца, которое и будет произноситься для народа, станет Тигас Пагпапсия, что в переводе с древнего языка сыновей солнца означает «решительность и твердость», он почти не сомневался, что и завтра карты укажут его гадателю то же самое. Как прежде, десять лет назад, карты столь же точно указали имя прежнего императора: Калавакан Дагат, необъятный простор морей.

Картли вышла из своей комнаты, едва гости покинули здание.

– Ты станешь великим государем, я вижу это, – просто произнесла она. И тут же добавила: – Но я тебе в этом деле не помощница, лишь помеха, прости, что говорю так. У меня будет к тебе одна-единственная просьба, господин мой, – отпусти вместе с Ламзой на Чамалин. Ведь ты больше не нуждаешься во мне.

Абаим задохнулся.

– Не... почему ты так решила? Ведь я... ты... – его подкосили даже не слова об отъезде, а именно это. Как странно, внезапно пришла мысль, ведь только сейчас, мгновением раньше, он думал, Картли пришла порадоваться победе господина, маленькой, но им обоим очень нужной. Когда заговорили, понял, что отъезд неизбежен, но и это не выбило его из колеи. А тут...

– Будто кто-то уравнивает мои дела, – глухо произнес он, не понимая, к кому обращается в этот момент.

Картли припала к его ногам.

– У тебя есть женщина, мой господин, твоя прежняя наложница, возьми ее, возьми других, ведь ты можешь взять любую, прошу тебя...

Больше всего он ненавидел упрашивающих. Со злостью пихнул Картли, прежде казавшуюся ему сильной и решительной. Она упала навзничь, но не поднялась, даже когда Абаим приказал ей и снова пнул, на этот раз куда сильнее, в бок. Точно пытаясь отомстить.

– Господину нужна женщина, – прохрипела она. – Я же... я не могу стать таковой. Я другая. Я с самого начала другая, – и затихла в ожидании ответа. Абаим согнулся, сломался над ней.

– Мне нужна ты, не просто женщина, не просто наложница, жена, неважно кто. Именно ты. Не та, что лежит передо мной, моля о пощаде, но та, к которой я приходил вчера утром, после смерти твоего прежнего господина. Та, что согласилась прийти ко мне и разделить мою ночь, – теперь он презирал и себя за то, что упрашивал.

– Я не такая, – ответила она столь же тихо.

– А какая же ты?

– Не та, – подчеркнуто ровно ответила. – Я помню, как господин смотрел на меня, когда пришел ко мне, как смотрел раньше, когда меня вывозили на прогулку в город, нигде не останавливаясь, будто в саркофаге с окошками, – они вздрогнули одновременно: Картли – вспоминая, Абаим – поразившись ее памятью.

– Я не знал, что ты обратила на меня внимания.

– Я почувствовала, что это произойдет. Рано или поздно. Ты все больше и больше приближался ко мне.

– Я хотел... – он не знал, как объяснить, и замолчал на полуслове. Картли лежала на спине, сжав руки в кулаки: будто кошка, пытающаяся себя защитить.

– Господин добился своего, – после долгой паузы произнесла она. – взял меня. Если ты возьмешь меня еще раз, господин мой, это будет всего лишь повторение прежнего, совсем не то, чего ты хочешь. Меня ты покоришь. Зачем тебе второй раз или третий? Я пройдена тобой, господин.

– Мне нужна ты, – но снова увидел ее глаза и снова смешался. Понял, что не все так просто, тысячи невысказанных причин наполняли черноту ее глаз.

Нехотя он распрямился. Постоял некоторое время над ней, затем отошел в дальний угол комнаты. Тени от светильников здесь сгущались, так что Картли не могла видеть его искаженного от одного слова лица.

– Ступай, – глухо произнес он и отвернулся. Чтобы никто не видел, чтобы он сам не смел увидеть. Только почувствовать.

Когда повернулся снова, Картли уже не было.

Глава 9

День выдался на славу: ни облачка на голубом до рези в глазах небе, но не парило, северный ветер нагнал долгожданной прохлады, дышалось свободно, хотелось подняться над грешной землей, чтобы с высоты птичьего полета осмотреть Тайный замок, нарядных служек и служителей у храма, а еще собравшиеся у главных ворот народные толпы, по случаю интронизации одетые в воскресное платье, оглядеться вокруг и, поднявшись еще выше, помчаться прочь, чтобы никогда не вернуться.

Абаим опустил голову и прошел дорогой славы в храм. На душе муторно, тягостную тоску эту не смогли развеять ни полошущиеся в небе вымпелы и знамена, ни торжественная музыка, выдуваемая из ярко блестящей на солнце меди, ни песнопения, от которых хотелось гордо поднять голову и идти куда-то, покоряя дали земные и небесные. Когда он брел по дороге к храму, о далях как-то не думалось, разве что с точки зрения птицы залетной. Вон их сколько, стрижи да ласточки, так и кружат среди башен.

Он огляделся и подумал, что еще только утро, и до самого позднего вечера он будет несвободен. Будет ждать минуты покоя, представившейся ему лишь по завершении всех обязательных обрядов, встреч, поздравлений и пожеланий, гуляний, песен и танцев, когда уж устанут и славословить, и возносить осанну – тогда останется отойти ко сну и ему, ставшему полубогом и обретшему частицу себя на небесной тверди, в том самом месте, где сам державный Дьель отметил державной десницей. Как печально заканчивается порой восхождение на небеса... К чему ходить далеко? Вот он, пример, еще не успел омыться слезами плакальщиц, ныне, в воскресных нарядах празднующих появление новой звезды. В полночь карты с ее положением разнесутся с гонцами по всем городам и весям империи. Новый полубог взошел на престол. И теперь до рассвета гадатели всей страны примутся составлять гороскопы, рассчитывая постичь, чего можно ожидать от императора с торжественным именем Тигас Пагпапсия. Что узрят там они, о чем поведают своим родным, далеким и близким?

Абаим встряхнулся и, подняв голову, под гимны, жгучую медь горнов и барабанный бой, разносящийся на многие мили окрест, вошел в солнечный храм Диких лебедей, чье золото крыши столь ярко озаряет великодержавный Дьель, приветствуя государя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.